

НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ORCID: 0000-0002-0883-3133

DOI: 10.31696/9785907384699-2021-51-1-144-191

С. Г. Андреева*

Политика Китая на Дальнем Востоке в 1880-е гг.: к вопросу о порте Гамильтон

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются отдельные аспекты политики Китая на Дальнем Востоке, в частности, в отношении Кореи, в 1880-е гг. на примере дела о порте Гамильтон. Представлен краткий анализ действий Китая, Кореи, России и Великобритании в дипломатической сфере в контексте решения соответствующей территориальной и политической проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: архивные материалы, дипломатия, международные отношения, Китай, Корея, Англия, Россия, Ли Хунчжан, порт Гамильтон

Вторая половина XIX века стала во многом особым периодом в геополитике, характеризовавшимся рядом изменений баланса сил между ведущими державами, вовлечением во внешнеполитический «оборот» новых пространственных объектов, появлением на международной арене новых участников, определенным смещением внешнеполитических акцентов, видоизменением стратегических задач и средств. Действовавшая в указанный период геополитическая структура, основанная на Венской системе, носила преимущественно европоцентристский характер (так называемый «Европейский концерт»). В то же время расширение геополитических планов и стремление к решению собственных политических и экономических задач неизбежно приводило к конфликтам интересов основных мировых держав, к их столкновению.

---

* Андреева Светлана Геннадиевна, к. и. н., научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), surfgrid-to@list.ru

ям – открытым или опосредованным – на новых территориях, а также к появлению в структуре международных отношений новых игроков, влияние и потенциальную активность которых приходилось, в той или иной степени, принимать во внимание. Несмотря на то что центром преимущественной внешнеполитической активности ведущих государств во многом оставалась Европа (и Ближний Восток), смещение геополитических интересов в сторону Центральной Азии и Дальневосточного региона вело, помимо прочего, к тому, что существовавшие между странами противоречия и противостояние находили выражение в новых пространственных, экономических и политических условиях. В частности, коллизия интересов, имевшая место между Англией и Российской империей (Турция, Балканы), по мере продвижения этих стран на восток (Центральная Азия, Индия, Китай) выходила на новый уровень.

В деле решения стратегических задач сдерживания продвижения России в Азии и на Дальнем Востоке Великобритания применяла различные подходы, в том числе не только используя уже сложившиеся обстоятельства и факторы, но и формируя новую, потенциально перспективную для себя ситуацию. Что касается Дальнего Востока, то в эти события и действия нередко оказывался втянут Китай. В рассматриваемый период Дальний Восток оказался одним из эпицентров внешнеполитического, экономического, дипломатического взаимодействия ряда государств, что вело к формированию мощного «клубка» противоречий, разнообразных тактических решений, становившихся во многом реакцией на действия со стороны других участников геополитических процессов, а также различного уровня стратегических планов, направленных на продвижение собственных интересов за счет ослабления или использования других игроков и фигурантов.

Как представляется, при анализе общей геополитической ситуации на Дальнем Востоке в указанное время следует учитывать, что Цинская империя, несмотря на сложное политическое и экономическое положение в стране, а также весьма непростые, многоплановые и многоаспектные внешнеполитические обстоятельства, тем не менее старалась действовать как самостоятельная сила. Нередко стремясь следовать принципу *и и чжи и*¹, одной из значимых стратегических концепций, реализовывавшихся

---

¹ 以夷制夷 – «использование [одних] варваров для управления [другими] варварами».

на практике, в частности, Ли Хунчжаном² – во многом ключевой фигурой внешней политики Цинской империи в то время, Китай даже под давлением обстоятельств все же вел весьма активную и в целом небезуспешную внешнюю политику.

Примечательно, что одним из объектов внешнеполитической деятельности и одновременно своего рода «инструментов» политического давления на потенциальных «противников» для ряда ведущих участников геополитических процессов в Дальневосточном регионе в рассматриваемый период стала Корея. Следует отметить, что принятая в то время среди европейских государств практика обеспечения баланса сил и взаимного сдерживания за счет дипломатических средств, прежде всего оформления разнонаправленных международных соглашений, получила своеобразное развитие и на Дальнем Востоке, в частности в связи с Кореей. Речь идет о заключении Кореей по инициативе и при непосредственной поддержке и участии Китая (и лично Ли Хунчжана) ряда во многом идентичных договоров со всеми «заинтересованными сторонами» – основными державами Запада, активно действовавшими в данном регионе, а также с Японией. Фактически Китай в этом случае выступил «спонсором» соответствующих договорных процессов. С одной стороны, это можно рассматривать как прямую реализацию концепции *и и чжи и*, а с другой – как применение методов европейской дипломатии, цель которых может быть выражена словами Гладстона³: «[...] поддерживая единство всех, вы нейтрализуете и связываете эгоистические устремления каждой из них... Совместное действие фатально для эгоистических целей» (цит. по [Киссинджер, 2018, с. 158]).

В то же время каждая из заинтересованных держав, действуя в целом в единых сложившихся дипломатических рамках, стремилась изыскивать дополнительные средства к реализации своих целей, стараясь при этом пользоваться создающимися независи-

---

² Ли Хунчжан (李鴻章, 1823–1901) – один из крупнейших государственных деятелей Цинской империи. Занимал в правительстве ряд ключевых постов: государственного канцлера, губернатора столичной провинции Чжили, управляющего корейскими делами и т. д. В последние десятилетия правления цинской династии во многом руководил внешней политикой Китая.

³ Гладстон, Уильям Юарт (William Ewart Gladstone; 1809–1898) – английский государственный деятель, писатель. 45-й (1886–1886) и 47-й (1892–1894) премьер-министр Великобритании.

мо от них внешними обстоятельствами или при необходимости, создавая ситуацию, которую затем можно было бы повернуть в свою пользу.

В этом плане безусловно лидирующие позиции как по использованию существующих средств, так и по формированию новых факторов в различных многоходовых политических комбинациях занимала Великобритания⁴.

В качестве одного из примеров действий Великобритании по формированию нужной для себя ситуации можно рассмотреть историю событий вокруг острова Гамильтон.

Прежде всего – несколько слов о самом «предмете» анализа.

Порт Гамильтон (корейское название – Комундо 巨文島) – группа из трех крупных и ряда мелких островов (образующих внутреннюю бухту, удобную для захода судов) на юге Корейского полуострова в Корейском проливе. Европейское название (Port Hamilton) острова получили в 1845 г. в честь У. А. Б. Гамильтона⁵, являвшегося с 1845 по 1855 г. вторым секретарем Адмиралтейства. Благодаря своему стратегически удобному расположению, а также хорошим условиям стоянки, порт Гамильтон нередко посещался различными судами. В частности, в 1854 г. в него заходили суда Е. В. Путятин⁶ по дороге в Японию.

Интересующие нас в связи с портом Гамильтон события относятся к середине 1880-х гг. Великобритания проявляла все возрастающий интерес к различным территориям в Южно-Китайском, Восточно-Китайском, Желтом морях в целях оценки возможности и потенциала создания в этих районах станций и баз разного уровня. Одной из таких баз важного стратегического значения стал Гонконг⁷. Острова Комундо также были включены в сферу внимания Англии.

Эта активность со стороны Великобритании не осталась незамеченной, в том числе Китаем. 24.03.1885 г. Ли Хунчжан пере-

---

⁴ Хотя можно отметить, что и дальневосточные государства, а именно Япония и Китай, также довольно эффективно справлялись с решением проблем в режиме многозадачности.

⁵ Бейли-Гамильтон, Уильям Александр (William Alexander Baillie-Hamilton, 1803–1881) – английский адмирал.

⁶ Путятин, Евфимий Васильевич (1803–1883) – русский адмирал, государственный деятель и дипломат, в 1855 г. подписавший первый Договор о дружбе и торговле с Японией.

⁷ Колония Великобритании с 1842 г.; официально в аренде с учетом Новых территорий – с 1898 г.

дал в *Цзунли-ямэнь*⁸ следующее сообщение: «Английские военные корабли отправились для занятия небольших корейских островов, расположенных между Чемульпо и Пусаном и именуемых [Портом] Гамильтон, где будут накапливать и запасать уголь и воду. [Это делается] для того, чтобы отрезать русским судам путь в Восточно-Китайское море. На днях английский консул Бренан⁹ конфиденциально сообщил мне, что несколько дней назад [английский] командующий флотом в сопровождении нескольких кораблей направился в этот регион. Судя по географической карте Кореи, речь идет о находящемся в открытом море острове Чеджудо 濟州島, а не о порте Лазарева¹⁰ на северо-востоке. И даже если англичане временно займут его, то ни Корею, ни Китаю ущерба не будет» [Ли Хунжан, 1985, с. 475–476]. Очевидно, что у китайского правительства, с учетом непростой внутри- и внешнеполитической

---

⁸ *Цзунли-ямэнь* 總理衙門 (также *Цзунли гэ го ши-у ямэнь* 總理各國事務衙門) – одно из правительственных учреждений империи Цин. Выполнял функции министерства иностранных дел, существовал с 1861 по 1901 г.

⁹ Бренан, Байрон (Byron Brenan, 1847–1927) – британский дипломат в Китае. Консул в Чифу (1883–1885), консул в Пекине и Тяньцзине (1885–1983), генеральный консул (Consul General) в Гуанчжоу (1893–1898), генеральный консул в Шанхае (1899–1901).

¹⁰ Порт Лазарева – бухта в 10 милях к северу от корейского г. Гензан. Использовалась русскими судами для временного захода и стоянки. Ввиду значимости этого пункта в контексте данной статьи приведем выдержку из рапорта командира клипера «Крейсер» капитана 1-го ранга Остолопова, совершившего в июне 1886 г. инспекционный осмотр берегов Кореи: «[...] Ознакомившись с окрестностями порта Лазарева, я вывел заключение, что как коммерческий порт он, при изменении корейского правительства к лучшему, может развиваться в значительный торговый пункт, и начало этому уже положено в Гензане, но военным портом при нынешних средствах атаки не может быть. [...] Все эти соображения я дозволил себе высказать вследствие убеждения, что порту этому в жизни Востока скоро придется играть немаловажную роль; если возьмут его англичане, это будет порт активный для операций против наших берегов и в то же время он завладеет торговлей с Кореей и будет угрозой для Японии; если же этот порт делается достоянием России, то будет тыловой обороной наших здешних портов, нужных нам для будущего нашего значения на море. В настоящее время занятие этого порта не встретит никакого препятствия. Полная деморализация корейского правительства и неспособность к противодействию силой облегчит его занятие и будет встречено столь же пассивно, как и занятие Гамильтона» [АВПРИ, ф. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1367, л. 17об, 22об–23].

обстановки, возможность занятия англичанами «неизвестных» корейских островов не вызвала особого беспокойства.

14 апреля 1885 г. командующий английским флотом вице-адмирал У. М. Дауэлл¹¹ получил приказ Адмиралтейства: «Занять Порт Гамильтон и информировать о ходе дела» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 81]¹². Три английских военных корабля были отправлены для занятия порта с условием «не поднимать флага, кроме как в случае появления русских военных кораблей» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 81]. На запрос, направленный в Форин-офис¹³ посланником Цинской империи в Великобритании маркизом Цзэном¹⁴ в связи с указанными событиями, был получен ответ, в котором, в частности, указывалось, что в настоящее время подтверждение не поступило, однако «[...] очевидно, ввиду особых обстоятельств, было признано нужным уполномочить командующего флотом на временное занятие, в случае необходимости, порта Гамильтон. При обычных обстоятельствах правительство Ее Величества провело бы предварительное обсуждение с китайским правительством для согласования по данному вопросу. Однако ввиду возможности занятия этих островов какой-либо другой державой правительством Ее Величества было признано необходимым предпринять указанный шаг.

Правительство Ее Величества не имеет намерения совершать что-либо, что могло бы повредить престижу Китая, а потому оно готово к достижению такой договоренности, которая не будет приводить к какому-либо ущербу интересам Китая в этом регионе» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 81].

---

¹¹ Дауэлл, Уильям Монтагю (William Montagu Dowell, 1825–1912) – адмирал английского флота.

¹² Приведенные здесь и далее материалы АВПРИ (ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 81–93) представляют собой выдержки из подборки документов, касающихся порта Гамильтон, официально опубликованных (для служебного пользования) британским правительством в 1887 г. для рассмотрения в Парламенте. Перевод документов с английского языка для включения в данную статью выполнен автором.

¹³ Форин-офис (Foreign Office) – неофициальное название внешнеполитического ведомства Великобритании, в настоящее время – Министерство иностранных дел и по делам Содружества.

¹⁴ Цзэн Цзицзэ (曾纪泽, 1839–1890) – китайский дипломат, ученый и литератор, в 1878–1885 гг. посланник Цинской империи в Великобритании. В отечественной и западной научной литературе известен как «маркиз Цзэн».

Можно предполагать, что для Китая, занятого решением действительно актуальных и неотложных проблем (война с Францией¹⁵, урегулирование осложнений с Японией после событий 1884 г. в Корее¹⁶ и т. д.), занятие англичанами неких некитайских островов под предлогом предотвращения гипотетической возможности захвата их каких-либо другим государством вряд ли было вопросом первостепенной важности. Тем не менее в одном аспекте Китай, весьма щепетильный в вопросе поддержания собственного престижа, среагировал сразу: речь идет о недопущении какого-либо посягательства на суверенные права Цинской империи в отношении Кореи. Например, в своем послании лорду Гренвиллю¹⁷ от 27 апреля 1885 г. маркиз Цзэн подчеркивал: «[...] Поскольку указанные острова принадлежат королевству Корея – государству, имеющему не только общую границу с Китаем, но являющемуся вассалом Китайской империи, упомянутое занятие этих островов любой иностранной державой, естественно, не может остаться без внимания со стороны Пекина» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 82].

Правительство Китая, очевидно, стремилось как можно скорее «снять» возникшую вдруг еще и эту проблему, для чего на разных компетентных уровнях велись соответствующие переговоры. Вот, в частности, сообщение маркиза Цзэна в *Цзунли-ямынь* от 01.05.1885 г.: «По поводу островов Аньдао¹⁸ уже неоднократно были споры, можно договориться о нижеследующем: китайское правительство соглашается с тем, что факт занятия англичанами этих островов не создает каких-либо помех или затруднений. Например, через год после занятия их англичанами

---

¹⁵ Речь идет о франко-китайской войне 1884–1885 гг. по поводу части территории Северного Вьетнама.

¹⁶ Речь идет о попытке государственного переворота в Корее во главе с Ким Оккюном (金玉均, 1851–1894). Переворот был подавлен при содействии китайских войск под командованием Юань Шикая. Во время этого мятежа пострадало японское посольство в Сеуле. В результате этих событий Корея по рекомендации Китая вынуждена была пойти на заключение с Японией невыгодного Хансонского договора (1885), по которому корейское правительство обязывалось, в частности, принести извинения Японии за причиненный ущерб, а также выплатить значительную компенсацию семьям погибших японцев.

¹⁷ Левесон-Гоуэр, Джордж, второй граф Гренвиль (George Leveson-Gower Granville, 1815–1891) – британский политик, министр иностранных дел в 1880–1885 гг.

¹⁸ В китайском тексте использован термин Аньдао 安島, тем не менее, очевидно, речь идет об островах Комуудо.

должна быть определена сумма годовой ренты, которая подлежит уплате королю Кореи. Корея выплачивает дань Китаю. В отношении Аньдао тоже должна быть внесена соответствующая сумма, надлежащая часть которой подлежит направлению в Китай в качестве дани. При этом должно быть установлено, что англичане обязуются не причинять ущерб правам и интересам населения острова [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 491].

Примечательно, что центральное правительство Китая проявляло определенную нерешительность в данном вопросе, возлагая, по сути, всю ответственность на Ли Хунчжана. В одном из посланий, адресованных Ли Хунчжану, в частности, говорилось: «[...] Речь идет о территории государства, являющегося нашим вассалом. Можем ли мы разрешить подобное ее занятие и будет ли это выгодно Китаю, тем более при отсутствии [в Корее] устойчивой власти, пусть даже под предлогом предотвращения занятия этой территории другим государством? И так слишком много злоупотреблений. Это дело следует любым способом уладить, необходимо добиться надлежащей договоренности. Ли Хунчжану поручается тщательно рассмотреть этот вопрос и в кратчайшие сроки представить доклад» [Ли Хунчжан, 1985, с. 492].

Интересен также отчет, направленный Ли Хунчжаном в *Цзунли-ямьинь* в связи с рассматриваемым делом: «[...] Англичане именуют занятые ими острова Аньдао Гамильтоном¹⁹, в Китае они также именуются Цзюймодао (巨磨島. – С. А.). Это важный пункт на выходе из Восточно-Китайского моря, недалеко от корейского города Пусан и довольно близко от японских островов Цусима. Недавно японский представитель Ито²⁰ в беседе с [маркизом] Цзэном сообщил, что упомянутый захват англичанами этих островов Японии невыгоден, однако, поскольку это сделано, вероятно, с целью сдерживания России, то пока [Япония] может подождать. [...] Если пойти на заключение [с англичанами] соглашения, чтобы восстановить наше сюзеренное право, то даже несмотря на то, что Япония не признает Корею нашим вассалом, утверждая, что Корея является самостоятельным государством, тем не менее [настоящее положение дел] в Поднебесной всем известно и никакая сила на Востоке не сможет нам помешать. Если

---

¹⁹ В китайском тексте данное название передано транскрипцией Хамидунь 哈密敦.

²⁰ Ито Хиробуми (伊藤博文, 1841–1909) – выдающийся государственный деятель Японии, министр внутренних дел (с 1878 г.), первый (а также пятый, седьмой и десятый) премьер-министр Японии.

будет дано согласие на занятие островов, то русские непременно потребуют для себя права занять порт Лазарева. А еще и Япония может вмешаться, и впоследствии это приведет к еще большим осложнениям. По-видимому, следует на время отложить обсуждение этого вопроса. Если англичане действительно намерены занять [эту территорию], то следует действовать после согласования с Кореей. Хотя Корея – маленькое и слабое государство, я полагаю, нельзя без оснований давать подобное разрешение [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 493].

Заметим, что, несмотря на общую сложность внешнеполитического положения Цинской империи и существенное давление обстоятельств, Китай стремился обеспечивать свои интересы и настаивал на своем видении ситуации и на своих правах в этой связи. Об этом свидетельствуют, в частности, попытки Китая не допустить оккупации порта Гамильтон или, по крайней мере, убедить Великобританию отказаться от своего намерения. Примечательно в этом плане сообщение Ли Хунчжана в *Цзунли-ямынь* от 03.05.1885 г.: «[...] Ни в коем случае нельзя соглашаться на занятие англичанами порта Гамильтон. [...] На днях в конфиденциальной беседе с российским посланником было замечено, что если англичанам будет разрешено занять эти острова, то и Россия может выразить пожелание занять какой-нибудь остров. Прошу незамедлительно направить телеграмму Цзэну и остановить его действия, чтобы потом не сожалеть. Я планирую направить Дин Жучана²¹ с военными кораблями на Гамильтон для выяснения обстановки и образа действий англичан, а также секретным письмом рекомендовать корейскому королю ни в коем случае не соглашаться и не давать разрешение [на занятие островов]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 494]. С точки зрения концепции *и и чжи и* – вполне адекватный анализ обстановки. Соответствующее уведомление было направлено империей Цин в Форин-офис (06.05.1885): «[...] Китайское правительство было бы довольно, если бы обстоятельства позволили ему согласиться со взглядами правительства Ее Величества в отношении предполагаемого занятия [Гамильтона], однако следует учитывать, что российский посланник в Пекине дал понять представителям *Цзунли-ямыня*,

---

²¹ Дин Жучан (丁汝昌, 1836–1895) – китайский адмирал. В 1882 г. являлся наблюдателем во время корейско-американских переговоров и фактически контролировал действия корейцев при подписании корейско-американского договора. В 1884 г. принимал участие во франко-китайской войне. С 1888 г. командовал Северной эскадрой.

что в случае согласия китайского правительства на занятие англичанами островов, образующих порт Гамильтон, российское правительство может счесть необходимым занять какой-либо другой остров или часть территории корейского королевства. Принимая во внимание возможность того, что и Япония поступит так же, китайское правительство выражает сожаление в связи с тем, что в целях предотвращения возникновения описанной выше ситуации, а также ввиду вероятных осложнений, которые эта ситуация может повлечь за собой, правительство Китая не может уполномочить своего посланника на заключение соглашения, предложенного правительством Ее Величества, а также должно обязать своего представителя выразить надежду, что правительство Ее Величества все же не сочтет необходимым занять указанные острова» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 82об].

Отметим, что, как видно, в том числе из представленных документов, все переговоры по поводу части корейской (!) территории велись Великобританией не с правительством Кореи, а с Китаем. Тем самым Великобритания, по сути, признавала зависимое от Китая положение Кореи, несмотря на включение во все заключенные Кореей в 1880-х гг. с западными державами соглашения положения о признании статуса Кореи как независимого и самостоятельного государства. Фактически в рассматриваемый период большинство вопросов, касавшихся «корейских дел», решались Китаем и третьими странами, хотя формально с учетом интересов и «мнения» корейского короля и правительства.

В случае с портом Гамильтон Корея выступила фактически как «пассивная» сторона, хотя и предпринявшая ряд действий, но роль которой в данном деле оказалась минимальной. Даже чтобы на месте ознакомиться с положением дел и заявить англичанам свой протест, представителям корейского правительства пришлось воспользоваться поддержкой и содействием специально командированного Ли Хунчжаном в Корею адмирала Дин Жучана.

На китайском военном корабле корейский сановник Ом Сэён (严世永, 1832–1903) и советник корейского короля П. Г. Мёллендорф²² направились сначала в сам порт Гамильтон, где от командира одного из стоявших там на стоянке английских судов

---

²² Мёллендорф, Пауль Георг фон (Paul Georg von Möllendorff, 1841–1901) – немецкий востоковед и дипломат, сотрудник китайской таможни в Шанхае и Ханькоу, немецкий вице-консул в Тяньцзине. По рекомендации Ли Хунчжана отправился в Корею, где в 1882–1885 гг. находился на службе в качестве советника корейского короля Коджона.

узнали, что командующий английским флотом адмирал Дауэлл находится в Нагасаки. Вследствие этого китайский адмирал Дин Жучан вместе с корейскими представителями были вынуждены отправиться в Японию.

Вот что, в частности, сообщал вице-адмирал Дауэлл в своем докладе секретарю Адмиралтейства (19 мая 1885 г.): «Вчера утром в порт Гамильтон прибыли китайские суда “Чаоюн” и “Янвэй”²³ под командованием адмирала Дина, доставившие двух корейских официальных представителей – г-на Ом Сэёна, члена Внутреннего Совета, и г-на П. Г. Мёллендорфа, члена корейской Коллегии иностранных дел. В то же утро эти два господина нанесли мне визит и сообщили, что они направлены королем Кореи для посещения порта Гамильтон, чтобы убедиться в верности сведений, полученных Его Величеством, о занятии нами [этих островов], а также чтобы, в случае если эта информация верна, узнать у меня, в силу каких полномочий и на каком основании эта операция была произведена. [...] Я ответил, что в соответствии с приказом правительства Ее Величества мною была занята бухта порта Гамильтон, однако, по моему мнению, эта оккупация будет носить лишь временный характер. Затем они (корейские представители. – С. А.) сообщили, что они уполномочены заявить официальный протест против занятия указанной территории, и просили меня уведомить правительство Ее Величества, что такой протест был ими сделан. Я предложил им оформить их заявление в письменном виде, и они обещали это сделать» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 85].

В итоге корейские представители направили вице-адмиралу Дауэллу следующее письменное заявление: «Имеем честь настоящим сообщить, что как только Его Величество король Кореи получил известие о том, что часть территории, составляющая владение Его Величества, именуемая “порт Гамильтон”, была занята силами военно-морского флота под командованием Вашего Превосходительства, Его Величество, воспользовавшись случаем, представившимся благодаря визиту в Масанпо двух военных кораблей Его Величества императора Китая, обратился с просьбой к Его Превосходительству адмиралу Дину сопроводить указанных корейских официальных лиц в порт Гамильтон для проверки правильности полученного сообщения. По прибытии в порт Га-

---

²³ Китайские военные корабли «Чаоюн» 超勇 и «Янвэй» 扬威 были построены и приобретены Китаем в Англии. Для их приемки в 1879 г. в Европу был направлен Дин Жучан.

мильтон мы обнаружили несколько кораблей Ее Величества [...] в самой гавани, а также британский флаг, поднятый на самой высокой точке острова. Мы обратились за разъяснениями к капитану корабля Ее Величества “Flying Fish”, который сообщил нам, что занятие острова было произведено им на основании приказа Вашего Превосходительства, а также что в данный момент Вы находитесь в Нагасаки.

Адмирал Дин любезно согласился доставить нас в этот порт.

Мы прибыли утром 18-го мая и в тот же день имели беседу с Вашим Превосходительством по указанному вопросу. В этой связи мы теперь имеем честь требовать от имени Его Величества короля Кореи, чтобы Вы сообщили нам, по какому праву и на каком основании такой военный захват части территории дружественной державы был произведен силами военно-морского флота Ее Величества, находящимися под Вашим командованием.

Далее, мы требуем, чтобы Вы предприняли все надлежащие шаги, чтобы убедительно показать всем соответствующим трактатным державам, что порт Гамильтон является неотъемлемой частью владения Его Величества короля Кореи» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 86].

Обращение соответствующего содержания было направлено Коллегией иностранных дел Кореи правительству Великобритании (25 мая 1885 г.): «[...] Порт Гамильтон, принадлежащий Корее, не может быть захвачен никакой другой державой. Выражаем надежду, что Великобритания, в силу существующих между нашими государствами дружеских отношений, откажется от своего намерения и что ее флот будет немедленно выведен (с указанной территории). В противном случае Корея не будет молчать и направит соответствующее обращение к другим трактатным державам [...]» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 84].

Несмотря на заявленные протесты, стало очевидно, что ни Китай, ни тем более Корея не могут оказать никакого действительного влияния на Великобританию даже в вопросе о порте Гамильтон. В то же время, по-видимому, в английском правительстве возникло намерение оформить так или иначе официально свое пребывание на этой территории. Вот, в частности, письмо лорда Гренвиля английскому поверенному в делах в Пекине О’Конору²⁴ (29.05.1885 г.): «[...] Я должен поставить Вас в из-

---

²⁴ О’Конор, Николас Родерик (Nicholas Roderick O’Conor, 1843–1908) – британский дипломат, поверенный в делах в Пекине, в 1892–

вестность о том, что правительство Ее Величества выразило готовность выплачивать Корее сумму, не превышающую 5 тыс. фунтов стерлингов в год, в виде арендной платы за порт Гамильтон на то время, что он будет использоваться нашей страной в качестве угольной станции. Вам предоставляются полномочия провести переговоры с корейским правительством по данному предмету» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 84]. Отметим, что речь идет об «угольной станции», а не о создании «военной базы для противостояния России». Примечательно также, что английскому представителю рекомендовали «по возможности представить указанное предложение Корее через *китайское правительство* (курсив мой. – С. А.)» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 84].

Текст аналогичного содержания находим, в частности, и в следующем послании Ли Хунчжана, адресованном китайскому военному агенту в Корее Чэнь Даошу 陳道樹 (01.07.1885 г.): «Англичане заняли порт Гамильтон, не следует рассчитывать, что они уйдут. Они намерены взять его у Кореи во временную аренду с выплатой ежегодно 20 тыс. лянов серебром. Все вопросы, связанные с поземельным налогом, а также отношения с местным населением определяются и регулируются корейскими властями. Следует, как обычно, заключить конфиденциальный договор, чтобы позволить нам провести переговоры и не допустить ущерба для Кореи. Надеюсь, Вы сообщите это конфиденциально корейскому правительству, а также согласуете это дело с английским представителем в Корее [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 531].

Важно отметить, что ситуация осложнялась рядом специфических внешнеполитических моментов, а также рядом внутривосточных событий, имевших место в рассматриваемое время в Корее.

Вторая половина XIX века ознаменовалась для Китая фактическим разрушением официальной, законодательно закрепленной вассальной системы империи Цин. Прежде всего, это коснулось *сы и 四夷* – четырех внешних «варварских» государств, издавна входивших в систему данников Китая²⁵.

1895 г. чрезвычайный посол и полномочный министр Великобритании в империи Цин.

²⁵ Согласно положениям законодательного кодекса Цинской империи «Дай Цин хуэй дянь» 大清會典 (цз. 56), говоря обобщенно, к этим четырем данническим государствам относились Корея, архипелаг Рюкю, часть Вьетнама (Аннам 安南) и Бирма.

Островное государство Рюкю еще в 1870-х гг. перешло под управление Японии. Франко-китайская война (1884–1885) привела к утрате Китаем своего «вассала» на юго-западе – Франция установила свой протекторат над Северным Вьетнамом. Одновременно под угрозой оказалось и сюзеренное право Китая (пусть и номинальное) в отношении Бирмы.

Великобритания в своем стремлении оградить от любых возможных посягательств свою главную колонию – Индию, «жемчужину в короне Британской империи», – старалась, помимо прочего, создать вокруг нее своего рода «буферную зону», т. е. так или иначе взять под свой контроль соседние с Индией территории. В контексте данной статьи принципиальное значение имеет Третья англо-бирманская война (1885–1887), приведшая к утрате империей Цин своего, пусть и формального, сюзеренного права в отношении Бирмы, а также к потере части приграничных территорий. Стоит отметить, что китайское правительство пыталось отстаивать свои позиции в Бирме, указывая, например, что «Бирма непрерывно осуществляла жертвоприношения, выплачивала дань в соответствии со сложившимся порядком; пограничные дела также могут быть рассмотрены и оформлены при получении надлежащего указа. Пусть даже Бирма определит какого-либо другого человека на должность правителя, следует сначала уведомить Китай и принимать окончательное решение после получения его дозволения. Это является проявлением порядка» [Ли Хунчжан, 1985, с. 607]. Безусловно, с учетом всех обстоятельств очевидно, что никакого существенного влияния на действия Великобритании Китай оказывать не мог, хотя и пытался отстаивать свои интересы путем переговоров. Результатом стало заключение в июне 1886 г. соглашения, по которому Англия получила право управления в Бирме «по своему усмотрению», хотя и обязывалась взамен прекратить активные попытки проникновения на территорию Тибета. Китай при этом понес как определенные территориальные потери (некоторые приграничные с Бирмой участки, которые Китай считал своими, перешли к Бирме и, соответственно, под контроль Англии), а также ощутил и своего рода «репутационные убытки» – империя Цин потеряла еще одного «данника».

Таким образом, в рассматриваемое время Корея оставалась фактически единственным «официальным» вассалом империи Цин.

1880-е годы в Корее ознаменовались активной борьбой различных групп в корейских придворных кругах за власть, прежде всего противоборством «прокитайской партии», поддерживавшей

королеву Мин²⁶, со сторонниками смены власти и реформ, ориентировавшимися во многом на Японию и ее опыт прогрессивных преобразований, начавшихся после Реставрации Мэйдзи (1868). Все это выразилось в социально-политических волнениях и череде попыток дворцовых переворотов. Безусловно, Китай, стремившийся при любых обстоятельствах поддерживать свой престиж как государства-сюзерена, не мог оставаться в стороне. Положение сюзерена обязывало (*noblesse oblige*). Соответственно, несмотря на весь комплекс проблем, сложившийся для Китая в рассматриваемый период на «внешнем контуре» (война с Францией, беспокойная обстановка на северо-западных границах и т. д.), Китай был вынужден направить войска для урегулирования положения в Корее. Принятые им меры увенчались определенным успехом и даже способствовали некоторому повышению авторитета империи Цин в Корее, однако в то же время привели к политическому конфликту с Японией. Следствием этого стало подписание 18.04.1885 г. Тяньцзиньского соглашения между Ли Хунчжаном и Ито Хиробуми (так называемое Соглашение Ли–Ито) в отношении Кореи, зафиксировавшее, помимо прочего, обязательство каждой из договаривающихся сторон вывести из Кореи свои войска (кроме непосредственной охраны дипломатических представительств) и в будущем воздерживаться от их использования, а в случае необходимости ввода войск соответствующая сторона была обязана своевременно уведомить об этом другую сторону. Таким образом, возможность для Китая осуществлять в Корее какие-либо действительно «активные» действия оказывалась скованной этим соглашением.

Отметим, что подходы отдельных компетентных представителей властных структур Великобритании касательно порта Гамильтон не были однозначными и единообразными. Вот, например, мнение вице-адмирала Дауэлла, выраженное им в мае 1885 г. в письме в Адмиралтейство: «До тех пор пока мы занимаем преобладающее положение на море, Гонконг является достаточной базой. Порт Гамильтон может пострадать от артиллерийского обстрела, если только он не будет должным образом укреплен, что, в свою очередь, потребует присутствия здесь эскадры для его защиты. При необходимости порт Гамильтон может быть использован для якорной стоянки без официального его занятия. Любая держава, решившая удерживать его на постоянной основе, вы-

---

²⁶ Королева Мин (1851–1895) – супруга короля Кореи Коджона, игравшая существенную роль в политике корейского государства.

нуждена будет превратить его во вторую Мальту» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 83об, № 19].

Также стоит привести выдержку из письма британского адмирала Дж. Уиллза²⁷ в Адмиралтейство (от 7 января 1886 г.): «[...] В период моего пребывания в должности командующего я неоднократно посещал порт Гамильтон и продолжаю придерживаться мнения, которое сформировалось у меня тогда, – что порт Гамильтон является бесполезным и слишком затратным (по его содержанию) в мирное время, а во время войны или при проведении периодических операций он может стать для нас “слабым местом”, поскольку командующий флотом будет вынужден выделить часть кораблей своей эскадры для защиты этих островов и образуемой ими гавани вместо того, чтобы использовать их для защиты нашей коммерческой деятельности.

Прошлой весной велись разговоры о том, что если Англия не займет порт Гамильтон, то это сделает какая-либо другая держава. Простой взгляд на карту и несколько минут размышлений позволяют понять, что это абсурдное предположение. Только нация, “обладающая приоритетом на море”, может позволить себе удерживать это наше новое приобретение, поскольку эти острова практически пустынные и бесплодны.

Предполагается, что в случае войны наличие угольной станции в более северном порту является необходимым. Я не поддерживаю это мнение.

Угольные транспортные суда, оснащенные должным образом, могут быть загружены кардиффским углем в Гонконге и следовать за нашими военными кораблями. Если же предполагается превратить порт Гамильтон в обычное колониальное владение и укрепить его, подобно Гибралтару или Мальте, то основные возражения против этого могут быть представлены не в плане морского дела, но с политической точки зрения [...].

Таким образом, я бы рекомендовал вернуть порт Гамильтон его законным владельцам» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 91].

Неоднозначность положения порта Гамильтон вызывала вопросы и у ряда других представителей власти в Великобритании.

---

²⁷Уиллз, Джордж Омманни (George Ommanney Willes, 1823–1901) – английский адмирал, главнокомандующий флотом (Commander-in-Chief) Великобритании (1886–1888).

Так, английский посланник в Китае С. Х. Макартни²⁸, в своем послании от апреля 1886 г. к министру иностранных дел графу Розбери²⁹ отмечая, в частности, что «[...] российский представитель в Пекине неоднократно обращался к китайскому правительству с требованием добиться вывода британских войск с островов, составляющих порт Гамильтон, заявляя при этом, что в случае если оккупация Англией указанных островов будет продолжаться, Россия может оказаться вынужденной занять какой-либо пункт в Корее», запрашивал «инструкции правительства Ее Величества относительно продолжения оккупации порта Гамильтон, которая, как предполагалось вначале, должна была носить только временный характер» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 93]. В ответ на это из Форин-офиса был получен меморандум следующего содержания: «[...] Правительство Ее Величества не имеет намерения продолжать оккупацию порта Гамильтон, выступая тем самым против просьб со стороны китайского правительства, однако нам представляется, что такой шаг противоречил бы интересам обеих стран – Китая и Англии – ввиду возможности занятия этих островов какой-либо другой европейской державой.

Если китайское правительство готово гарантировать, что подобная оккупация не произойдет, то тем самым одна из целей, которые правительство Ее Величества преследовало, занимая порт Гамильтон, будет выполнена.

Если бы китайское правительство выразило готовность принять на себя подобную ответственность, то, по предположению правительства Ее Величества, Китаю следовало бы обратиться к России и другим заинтересованным странам с предложением заключить международное соглашение, которое гарантировало бы интересы Кореи. Если такое предложение будет принято, правительство Ее Величества будет готово присоединиться в качестве одной из сторон к подобному соглашению и немедленно оставить порт Гамильтон, при условии что эта территория признается неотъемлемой частью собственной территории Кореи» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 93].

---

²⁸ Макартни, Сэмюэл Халлидей (Samuel Halliday Macarthey, 1833–1906) – военный хирург, дипломат, посланник Великобритании в империи Цин, впоследствии советник Китайского представительства в Лондоне.

²⁹ Примроуз, Арчибальд Филипп (Archibald Philip Primrose, 1847–1929), пятый граф Розбери (5th Earl of Rosebery) – британский государственный деятель, министр иностранных дел (1886, 1892–1894), премьер-министр Великобритании (1894–1895).

Соответствующее сообщение касательно ответа Англии в деле о порте Гамильтон было направлено маркизом Цзэном в *Цзунли-ямэнь* (18.04.1886 г.): «Если бы Китай обратился с просьбой к России, Японии и всем западным державам о заключении совместного договора о том, что они не будут занимать территорию Кореи, то Англия сразу покинет Комундо» [Ли Хунчжан, 1985, с. 659].

Таким образом, англичане продолжали оставаться в порту Гамильтон, используя его, очевидно, в качестве дополнительного средства давления, прежде всего на Китай, а также опосредованно на Россию. Последняя тенденция становится особенно заметной в политической дискуссии вокруг порта Гамильтон между Великобританией и Китаем в 1886 г.

Следует подчеркнуть, что анализ любой политической ситуации всегда и неизбежно является многофакторным, требующим учета максимально возможного числа условий, аспектов и обстоятельств. В контексте рассматриваемой проблемы немаловажное значение имело и еще одно событие, казалось бы, незначительное, однако приведшее к заметным и далеко идущим последствиям для «судьбы» вопроса о порте Гамильтон, а также для политической ситуации в регионе в целом. Речь идет об обстоятельствах, связанных с обращением корейского короля Коджона с письмом к российскому поверенному в делах в Корее Веберу³⁰, содержащим просьбу о защите и покровительстве со стороны Российской империи.

Необходимо учитывать, что позиции корейского короля, находившегося в эпицентре борьбы интересов разных групп во властных кругах Кореи, оказались довольно слабыми, поэтому естественно, что он пытался всячески обеспечить себе поддержку, обращаясь в этих целях к различным потенциальным «покровителям», в том числе и к России.

В июле 1886 г. российского поверенного в делах в Корее Вебера посетил один из крупных корейских сановников. Вот что отмечал сам Вебер по поводу имевшей место беседы: «[...] (он) сообщил мне, что король крайне тяготеет тем перевесом и влиянием, которые имеет здешний китайский представитель³¹ на страну и которыми он пользуется лишь в ущерб достоинству Ко-

---

³⁰ Вебер, Карл Иванович (1841–1910) – российский дипломат, возглавлял первую российскую дипломатическую миссию в Корее (1885–1897).

³¹ Речь идет о Юань Шикае (袁世凯, 1859–1916) – одном из крупнейших государственных деятелей Китая конца эпохи Цин – начала периода Китайской Республики, который с 1885 по 1894 г. занимал должность китайского представителя в Корее.

роля и благосостоянию Кореи. Король убедился, что Китай не в состоянии защитить эту страну, если у нее будут какие-нибудь серьезные затруднения с другими нациями, и доказательство этому он видит в деле о Гамильтоне. Он еще убедился в том, что возрождение Кореи не в интересах Китая и что поэтому пекинское правительство тормозит и противодействует через своего агента здесь всяким преобразованиям и нововведениям. Так, оно препятствует разработке копей и приисков, могущих снабдить Корею средствами, которые обеспечили бы страну и поставили бы ее в материальном отношении в независимость от Китая. Из всех стран одна Россия может освободить ее из настоящего безвыходного положения. В тесной дружбе с нею король усматривает единственное средство для водворения мира и спокойствия и для развития страны» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 109об–110]. При этом сановник сообщил о намерении короля обратиться к российскому представителю с письмом, в котором он будет просить «о содействии России для упрочения независимости Кореи под нашим влиянием» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 110].

Через несколько дней Веберу был доставлен документ, на котором «[...] имеются печати короля и министра внутренних дел. Король говорит в ней, что желание всецело изменить прежний порядок вещей (т. е. зависимость Кореи от Китая) заставляет его прибегнуть к России, которая, как он надеется, не откажет ему, в случае надобности, в помощи» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 111–111об].

Надо сказать, что у корейского короля, очевидно, были основания для тревоги и беспокойства. В рассматриваемое время в очередной раз в Сеуле возникли слухи о состоявшемся якобы тайном соглашении о протекторате России над Кореей. Как сообщил Веберу советник короля Кореи О. Н. Денни³², «слухи эти исходят от китайского представителя Юаня, который, как он (Денни. – С. А.) имеет основания думать, получил эти сведения от английского Генерального консула». [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 111об] Следствием этого стала определенная активизация деятельности китайского представителя, направленная на оказание давления на корейского короля и сановников, с тем

---

³² Денни, Оуэн Никерсон (Owen Nickerson Denny, 1838–1900) – американский дипломат, назначенный в 1877 г. консулом в Тяньцзине; с 1880 г. генеральным консулом в Шанхае. В 1885–1890 гг. – советник короля Кореи и вице-президент корейской Коллегии иностранных дел.

чтобы препятствовать любым самостоятельным шагам Кореи и поддерживать «сюзеренное» право Китая в отношении этой страны. Отметим, что в данном случае давление со стороны Юань Шикая оказалось слишком сильным. Как указывает Вебер, «Юань стал всячески мутить и страшать корейцев. Он грозил им, что в скором времени появится китайский флот и армия в 30 тыс. человек, и даже члены Китайской миссии открыто высказывались, что цель их присылки – низвержение Короля, место которого займет Дай-ин-гун³³. Своими кознями он сумел навести такую панику на корейцев, что нашлись изменники, которые сообщили китайцам о существовании послания Короля, обратившегося ко мне вследствие того, что он был напуган угрозами китайца» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л.113].

Подчеркнем, что обращение корейского короля к России и его потенциальные последствия, в принципе, могли быть на руку Великобритании, но сулили серьезные осложнения как для Китая, так и для России, которых оба этих государства стремились избежать. Вот что, в частности, указывал поверенный в делах в Сеуле Вебер: «[...] Россия принимает живое участие в судьбе Кореи и, согласно имеющимся у меня инструкциям, я уполномочен уверить корейского короля, что Императорский Кабинет всегда будет готов оказать возможное содействие, если бы наступили обстоятельства, которые могли бы грозить независимости или целостности страны этой. Тем не менее я должен указать на важность задуманного Королем поступка и на затруднения и усложнения, в которые Корея неизбежно будет вовлечена впоследствии. Предлагаю свою дружбу здешнему правительству, Россия, вместе с тем, желала бы сохранить дружеские отношения с соседним Китаем, и поэтому я всегда указывал в своих беседах с корейскими сановниками, что им следует избегать всего, что могло бы повести к разрыву их добрых отношений с Китаем» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л.110об]. Эта позиция вполне соответствовала инструкциям, полученным Вебером от Министерства иностранных дел (январь 1886 г.), в которых, в частности, подчеркивалось: «[...] Ваше донесение подтверждает уже ранее полученные нами сведения о том, что в настоящее время в Корее господствует влияние Китая. Король, как можно заключить из того же донесения, бессилён бороться против этого

---

³³ Имеется в виду Ли Хаын 李夏應 (1820–1898), именуемый по своему титулу Хынсон-тэвонгун 興宣大院君 или просто Тэвонгун 大院君), – корейский принц-регент, отец короля Коджона.

влияния, и обеспечить свое личное положение он считает возможным лишь при условии внешней поддержки. Такую поддержку он желал бы получить от нас [...].

С другой стороны, из сообщений посланника нашего в Пекине явствует, что китайское правительство с напряженным вниманием наблюдает за положением дел в Корее и для обеспечения своего влияния сосредоточило в Маньчжурии, поблизости от сухопутной корейской границы, значительные вооруженные силы. В беседах с действительным статским советником Поповым³⁴ китайские министры объяснили ему, что предосторожность эта вызвана необходимостью иметь готовые средства для подавления весьма возможных в Корее внутренних смут и для защиты страны этой от посягательства со стороны Японии, но посланник наш совершенно основательно не доверяет искренности этих уверений и расположен скорее думать, что означенная выше мера обуславливается слухами о наших замыслах на Корею, каковые слухи, как Вы сами замечаете, поддерживаются англичанами с целью отвести глаза китайского правительства от занятия порта Гамильтона.

Таковое положение дел обязывает нас быть крайне осмотрительными.

[...] положение Китая относительно Кореи гораздо выгоднее, чем наше, а из этого следует, что мы не должны давать китайскому правительству повода воспользоваться этим преимуществом. Вооруженное вмешательство этого правительства в дела Кореи, которое повело бы к поглощению страны этой, было бы для нас крайне неблагоприятно и могло бы даже вовлечь нас в столкновение с Китаем, а [...] всякое столкновение с империей Богдохана потребовало бы с нашей стороны громадных жертв, которые ни в каком случае не были бы искуплены результатами борьбы. Положение наше на побережье Тихого океана не настолько еще обеспечено, чтобы мы могли рассчитывать здесь на какой-либо успех, а успехи, которые мы в состоянии одержать на нашей границе с северо-западным Китаем, повели бы, в крайнем случае, лишь к нежелательному расширению наших среднеазиатских владений.

[...] Соображения эти [...] обязывают Вас [...] сосредоточить все Ваши усилия на установлении с Кореей хороших отношений, которые, по возможности, удовлетворяли бы потребностям наших пограничных владений, и, не отнимая у короля надежды

---

³⁴ Попов, Сергей Иванович (1824–?) – российский дипломат, посланник в Китае в 1883–1886 гг.

на нашу поддержку, советовать ему воздерживаться от таких действий, которые могли бы окончательно испортить его отношение к Китаю» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 63об–66].

Ввиду вышесказанного, с учетом всех обстоятельств российские дипломаты в своих беседах с китайскими представителями выражали неверие в подлинность такого послания или даже отрицали его наличие. При этом показательно, что корейская сторона также старалась по возможности нивелировать негативные последствия этого дела, указывая, что это письмо – дело рук «низких людей», старавшихся очернить короля.

Обеспокоенность китайской стороны этим вопросом отражена, например, в сообщении китайского представителя в России Лю Жуйфэня³⁵ (22.08.1886): «Сегодня имел встречу с товарищем министра иностранных дел Влангали³⁶, спросил его, правда ли, что Вебер получил от корейцев секретное послание с просьбой о предоставлении Корею покровительства со стороны России. Корея в течение нескольких тысяч лет являлась вассалом Китая, и это всем известно. Я выразил надежду, что российское правительство не примет это письмо и не будет оказывать Корею покровительство. Влангали отвечал, что ему не известно, чтобы Корея обращалась за защитой. Я заметил, что письмо, отправленное корейцами Веберу, является ложным и сфабриковано группой изменников при корейском правительстве. Поэтому российскому правительству ни в коем случае не следует верить этому письму, чтобы не нанести вред дружественным российско-китайским отношениям. Влангали на это отвечал, что Вебер такому письму не поверит. Я подчеркнул, что если все же такое обращение имело место, то Китай не уступит своей позиции [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 702].

В то же время Юань Шикай сообщал по данному делу из Сеула: «Спрашивал различных чиновников, все говорят, что этот документ сфабрикован низкими людьми³⁷, а король и правительство ничего об этом не знают. [...] Вебер отрицает, что это дело имело место [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 703].

---

³⁵ Лю Жуйфэнь (刘瑞芬, 1827–1892) – китайский государственный деятель эпохи Цин, дипломат.

³⁶ Влангали, Александр Георгиевич (1824–1908) – русский географ, дипломат, посланник в Китае (1863–1869 и 1870–1873), с 1882 г. товарищ министра иностранных дел, с 1897 г. член Государственного Совета Российской империи.

³⁷ Кит. *сяожэнь* 小人.

Описанную выше позицию российского правительства, направленную на предотвращение любых открытых конфликтов между Россией и Китаем, по-видимому, старался поддерживать и Ли Хунчжан. Так, он, например, отмечал: «[...] на вопрос о том, правда ли, что корейский король посылал людей для вручения российскому представителю письма с просьбой о покровительстве и защите со стороны России, все говорят, что это – дело рук низких людей. Многие в корейском правительстве [...] признают, что отправка такого документа – клевета. [...] в Сеуле [...] повсеместно китайцы и иностранцы находятся в смятении и встревожены, корейцы опасаются ввода войск. [...] В настоящее время, по-видимому, следует сохранять спокойствие и не допускать волнений. Необходимо подождать, прежде чем действовать» [Ли Хунчжан, 1985, с. 705].

Таким образом, общая сложность ситуации была вызвана рядом обстоятельств, поводом для которых во многом послужили события вокруг порта Гамильтон.

Можно отметить, что корейское правительство, несмотря на всю сложность внутривосточной ситуации и вполне очевидную безрезультатность предпринимаемых им действий, тем не менее не переставало отстаивать свои права в отношении территории своей страны – в данном случае порта Гамильтон. Об этом свидетельствует, в частности, нота, направленная Коллегией иностранных дел Кореи английскому посланнику в Пекине Джону Уолшму³⁸ (22 июня / 4 июля 1886 г.), в которой корейское правительство, отмечая *inter alia*, что продолжающаяся вопреки заявленным протестам оккупация Англией островов Комундо (порт Гамильтон) «не только противоречит справедливости, законности и международному праву, [...] но и составляет нарушение первой статьи Договора о дружбе и торговых сношениях, заключенного со стороны Кореи со всей торжественностью и полным доверием [...]», объявляло, что ввиду вышеприведенных оснований, а также «чтобы справедливость была оказана, верховные права Кореи сохранены и столь счастливо существовавшие в прошлом сердечные отношения и дружба могли пребывать во все времена нерушимыми», и если Великобритания «откажется исправить зло, совершенное занятием порта Гамильтон, наше государство, вследствие жизненной для него важности вопроса, должно будет обратиться к державам, с которыми оно имеет договоры, с прось-

---

³⁸ Уолшем, Джон Джеймс (John James Walsham; 1830–1905) – британский дипломат, представитель Великобритании в Китае и Корею в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра (1885–1892).

бой об их дружественном посредничестве» [АВПРИ, ф. 191 Миссия в Сеуле, оп. 768, д. 39, л. 204–206].

Кроме того, участие в урегулировании данной проблемы принял и советник корейского короля О. Н. Денни, который специально совершил в 1886 г. поездку в Тяньцзинь для непосредственных переговоров с Ли Хунчжаном. В ходе состоявшейся между ними беседы Денни, помимо прочего, указал Ли Хунчжану «на облыжные поступки заискивающих дружбу Китая англичан, желающих плодотворить лишь недоразумения между нами³⁹ и Китаем для достижения своих корыстных целей. Главной причиной постоянных тревог в Корее [...] он (Денни. – С. А.) считает захват Англией порта Гамильтон, могущий служить соблазнительным прецедентом для других наций и побуждающий англичан отвечать на требования корейцев об очищении порта различными инсинуациями, чтобы выдвинуть другой какой-нибудь вопрос на первый план. Науськивая при этом Китай на Россию, Англия действительно в состоянии перессорить между собой обе Державы, имеющие, при общей тысячеверстной границе, полное основание избегать всяких недоразумений. Г. Денни не отрицал возможности занятия нами (порта) Лазарева и прибавил, что в случае бездействия Китая по отношению к Гамильтону Россия не признает за Богдыханским правительством права вступить за Корею. Кроме того, он говорил, что Корея, привыкшая смотреть на Китай как на своего защитника и покровителя, будет иметь основание сомневаться в могуществе или доброй воле его, если он не оградит целостности ее и не поможет возвратить ей оторванную территорию.

Г. Денни поверил мне, что все старания его были направлены к тому, чтобы убедить Канцлера в необходимости выдачи Гамильтона и заключения с нами по поводу Кореи соглашения, имеющего выяснить наше взаимное положение в этой стране и обеспечить, насколько возможно, ее самостоятельность и неприкосновенность» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 167об–168об].

Сообщая об этом, Вебер выражает мнение о том, что весь комплекс факторов (переговоры с Денни, публикации в прессе, полученные сведения о положении дел в Корее, осложнения, вызванные чрезмерно активными действиями китайского представителя в Сеуле Юань Шикая), по-видимому, повлиял на решение Ли Хунчжана урегулировать отношения с Россией, для чего первым шагом должно было стать решение вопроса о порте Гамильтон.

---

³⁹ В данном случае речь идет о России (цитата взята из сообщения российского поверенного в делах в Сеуле Вебера о беседе с Денни).

В этой связи Вебер высказал свое суждение: «Я слышал здесь, что подобное требование относительно Гамильтона действительно уже заявлено со стороны Китайского правительства англичанам и что они, вследствие этого, предложили открыть этот порт и (порт. – С. А.) Лазарева для иностранной торговли. Я имею основание думать, что корейцы добровольно не согласятся на такое предложение, имеющее лишь целью парализовать значение выдачи острова, который фактически останется в руках англичан. Последние в этом случае по-прежнему воспользуются им для угольного склада и станции своих военных судов, и вторичный захват его последует при первом столкновении Англии с нами или с Китаем, или с Японией. Торговли в Гамильтоне, разумеется, никакой не может быть, разве он сделается для севера тем, что Гонконг – для южного Китая, т. е. приютом для контрабандистов. Мне также передали слух, что английским правительством куплены на острове все удобные для поселения места, так что, если он будет открыт для иностранной торговли и найдутся даже желающие там поселиться, они не будут иметь возможности к тому без согласия англичан.

Относительно предложенного г. Денни соглашения я осмеливаюсь высказать [...] свои опасения, что оно окажется, вероятно, лишь паллиативной мерой, которая едва ли в состоянии существенно изменить положение в нашу пользу. Я сомневаюсь в искренности китайцев и в добросовестном исполнении ими каких-либо принятых на себя обязательств, и поэтому опасуюсь, что они, связывая нас означенным соглашением, нисколько не стесняясь, будут преследовать прежние свои цели, вмешиваться во все дела и тормозить всячески развитие этого края» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 169–170].

Таким образом, Россия, несмотря на отсутствие прямой заинтересованности в данном вопросе, благодаря настойчивому давлению со стороны Великобритании на Китай и недостаточной прочности позиций последнего для реального противодействия этому давлению, оказалась втянута в переговоры с империей Цин по поводу Кореи.

Вот что отмечал в этой связи российский поверенный в делах в Пекине Н. Ф. Ладыженский⁴⁰ (июль 1886 г.): «Гамильтон, по-

---

⁴⁰ Ладыженский, Николай Федорович (1852–?) – российский дипломат, в начале 1880-х делопроизводитель Азиатского департамента МИД, затем 1-й секретарь российской дипломатической миссии в Пекине, с

видимому, служит предметом неофициальных переговоров, а пока лишь обмена мыслей в Лондоне и Сеуле. Выступая покровителями Кореи, китайцы, конечно, желали бы очищения острова, но формальных требований не предъявлено. Они думают, что в случае удаления англичан Гамильтон будет занят нами, и, с другой стороны, опасаются занятия нами порта Лазарева, если англичане останутся на острове. Не имея особых приказаний, я, тем не менее, не упускал случая объяснять китайцам, насколько присутствие Англии у входа в Печилийский залив⁴¹ угрожает не нам, а им. В Пекине министры уклончиво отвечали, что остров – корейский, хотя едва ли можно сомневаться, что эти соображения производили на них впечатление. Но Ли Хунчжан, ответственный руководитель корейских дел, о котором прежде говорили то же, принял, по-видимому, дело более к сердцу и через посторонних доверенных лиц поручил спросить меня несколько времени тому назад секретно, не могу ли я от имени моего правительства дать ему обещание, что, если бы Китай принудил англичан очистить остров, мы не займем его. Если же согласимся, он просил бы меня приехать в Тяньцзинь и затем формально потребовал бы удаления англичан с Гамильтона. Я через тех же лиц отвечал, что ничего не могу сказать на основании подобных предложений из вторых рук, если же Ли желает иметь со мной свидание, то пусть лично заявит об этом Шишмареву⁴² или напишет мне сам, либо поручит это сделать от своего имени близкому лицу, упомянув о цели переговоров. [...] Вчера я получил известие, что Ли поручил доверенному лицу, немцу Детрингу⁴³, написать мне от его имени приглашение прибыть в Тяньцзинь, дабы придти к соглашению о Гамильтоне. [...] Не зная намерений Императорского правительства относительно Кореи, полагаю, тем не менее, что нам едва ли следует упускать предоставляющуюся возможность содействовать изгнанию англичан с острова, оставаясь самим в стороне

марта по ноябрь 1886 г. исполнял обязанности поверенного в делах России в Китае.

⁴¹ Печилийский залив (иначе – Чжилийский залив, кит. Бохайвань 渤海灣) – залив в северо-западной части Желтого моря у берегов Китая. Фактически представляет собой «ворота» г. Тяньцзинь. В настоящее время именуется Бохайским заливом.

⁴² Шишмарёв, Яков Парфеньевич (1833–1915) – переводчик, монголовед, дипломат, генеральный консул Российской империи в Урге.

⁴³ Детринг, Густав (Gustav Detring, 1842–1913) – комиссар китайских морских таможен в Тяньцзине (с 1877 г.).

и придя к этому результату усилиями одного Китая. Кроме практических последствий, оно значительно подняло бы наш престиж и доказало бы неосновательность приписываемой нам жажды захватов. Здесь ходят слухи, что англичане недовольны стоянкой и недалеко от мысли очистить остров, но, не знаю, следует ли нам на основании подобных слухов рисковать успехом столь серьезного дела. Если Министерству угодно приказать мне, по получении приглашения от Ли ехать в Тяньцзинь, я мог бы войти с ним в секретное **письменное** (выделено мной. – С. А.) соглашение о том, что, если Гамильтон, по настоянию китайцев, будет к данному сроку, который следует установить, очищен, ни мы, ни китайцы его не займем. Смею предположить, что, быть может, возможно было бы, если Министерству угодно, при этом случае попробовать обобщить вопрос и распространить коллективную гарантию неприкосновенности на всю корейскую территорию. [...] едва ли следует медлить в настоящем случае. Могут возникнуть вопросы, которые отвлекут внимание китайцев от острова или изменят намерения, и дело может быть потеряно. Считаю нелишним упомянуть, что за безусловный успех отвечать заранее в сношениях с китайцами трудно» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 6–9об].

Здесь важно привести ответное указание МИД (18 августа 1886 г.): «На запрос о цели мы уже ответили, что не имеем вовсе видов на порт Лазарев или вообще на Корею. Равным образом, мы чужды намерения занимать Гамильтон, если его покинут англичане. Можете в этом смысле переговорить с Ли, если он сам коснется этих вопросов. **Письменное соглашение преждевременно** (выделено мной. – С. А.) [...]» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 13].

Общее представление о сложившейся ситуации находим, в частности, в донесении Ладыженского от 16 сентября 1886 г.: «[...] Принятие С. С. Вебером письма, в коем Король просил, насколько мне известно, спасти его от свержения с престола китайцами, было достаточным поводом для того, чтобы Китай грозно выступил на защиту своих исторических прав и готов был оружием восстановить поколебавшееся свое в Сеуле положение. Как я имел уже честь донести Императорскому министерству, за последние годы произошла значительная перемена во взглядах Китая на Корею и на задачи, которые он имеет преследовать на полуострове. Недавнее намерение гарантировать неприкосновенность королевства привлечением иностранных государств к заключению с ним на равных правах договоров сменилось опасением видеть усиле-

ние чьего-либо чужого влияния в Сеуле и сознанием того значения, которое Корея, благодаря стратегическому своему положению, призвана иметь в будущих событиях Востока. Неопротестованное европейскими государствами занятие англичанами порта Гамильтона доказало китайцам, насколько заключение договоров даже на равных правах мало гарантирует неприкосновенность страны. Также рушились и возлагавшиеся на скорое развитие Кореи надежды. [...] Китай признал необходимым прочно обеспечить за собой господствующее в полуострове влияние и направил свои действия к этой цели. Понятие народного самосознания и гордости, бывшее результатом франко-китайского столкновения, и неусыпные наговоры на нас, угрожающих, будто бы, Корею, дали Китаю в данном вопросе особую смелость и энергию.

Вашему Высокопревосходительству известны из донесений моих те средства, которыми Китай достигал такого преобладания. Вмешательство чрез своего Резидента в Сеуле во внутренние дела и стремление вполне руководить ими, постепенное присоединение корейской морской таможни, т. е. значительной доходной статьи, к китайскому таможенному ведомству, постоянное направление эмигрантов в северные части полуострова с целью отделения нас со временем от Кореи, назначение советниками Короля лиц, выбранных Ли Хунчжаном и заключивших контракт с ним, а не с корейским правительством⁴⁴, и расположение в виде постоянной угрозы Корею сильной армии близ границ ее были наиболее заметными из Пекина действиями, предпринятыми Китаем в помянутом выше направлении.

[...] Вскоре [...] я принужден был убедиться, что, кроме вопроса об очищении Порт-Гамильтона, китайское правительство встревожено и другими еще событиями, мне неизвестными, но имеющими, по-видимому, весьма серьезный характер. Обратившийся сначала ко мне чрез посредство посторонних доверенных лиц Ли Хунчжан, полагавший, вероятно, что мы с особой поспешностью примем его намеки на изгнание англичан с занятого ими острова, с последних чисел июля и первых августа месяца, стал с особой настойчивостью просить свидания со мной. Я ежедневно получал из Тяньцзиня письма, в которых мне передавали, что Генерал-

---

⁴⁴ Отметим, что данный пункт описан не совсем точно: кандидатуры советников корейского короля действительно выбирались и утверждались Ли Хунчжаном, однако затем эти лица заключали соответствующий «трудовой» договор и с правительством Кореи.

губернатор с величайшим нетерпением ожидает моего прибытия и просит не предпринимать что-либо в Корее, не переговорив с ним.

[...] По прибытии в Тяньцзинь, где я был встречен Генерал-губернатором с нескрываемой радостью, я убедился в серьезности положения. Полученное мной в то же время от С. С. Вебера письмо [...] еще более утвердили меня в этом и объяснили те причины охватившей Китай тревоги, которые я до того времени принужден был угадывать.

Положение Ли Хунчжана, между тем, становилось все более и более трудным, и в приезде моем он усматривал не только средство обеспечить благополучное разрешение возникших недоразумений, но и упрочить в будущем успех той миролюбивой относительно нас политики, которой он является ныне, в противовес увлечениям Пекинских правителей, защитником.

[...] Ли Хунчжану, как руководителю корейских дел, повелено было действовать..., на него возложена ответственность, если бы принятые им меры оказались недостаточными и если бы чужеземцам удалось проникнуть в Корею, и дана полная свобода действий. Одновременно с этим к границе стянуто по распоряжению из Пекина более тридцати тысяч человек; в Порт-Артуре – десант, и в Нагасаки собраны находившиеся в плавании броненосцы.

[...] Среди тревоги, охватившей высшие правительственные сферы, Ли Хунчжан один сохраняет спокойствие. Сознывая, ввиду возможности вмешательства России и Японии, опасность предписанного ему образа действий, а, вероятно, не полагая, вопреки Пекину, что настало время, когда Китай в состоянии будет преследовать свои цели, не внимая воле других Держав, Генерал-губернатор усмотрел в непосредственном общении с представителем Императорского правительства лучшее средство благополучно разрешить вопрос. Ли Хунчжан надеялся, что подобное общение, разъяснив дело и, во всяком случае, предупредив случайности, даст ему возможность с большим авторитетом высказать свои взгляды в Пекине и, опираясь на происходящий обмен мыслей, сдержат порыв негодования и смелости, охвативший правителей Китая при известии об измене Короля.

Насколько, вместе с тем, Ли Хунчжан сам верил в опасность, видно из обращенной им ко мне помянутой выше просьбы приостановить действия наши в Корее до тех пор, пока он не обменяется со мной по поводу этому мыслими.

[...] Ли Хунчжан желает, по-видимому, иметь точку опоры в нас, и ныне, насколько до сего времени можно судить, полагает возможным разъяснением и улажением нынешних затруднений

обеспечить за собой в будущем преобладающее влияние и в вопросах внешней политики Китая. [...] Позволяю себе надеяться, что после должных и всесторонних объяснений и обсуждений положения наших отношений Ли Хунчжан присоединит к такому сознанию и убеждение в бескорыстности и миролюбии политики Императорского правительства, в чем Китай доньше по разным причинам сомневался.

Достижение подобных результатов в Пекине крайне затруднительно. Министры *Цзунли-ямэня*, не имея в международных делах ни личной ответственности, ни авторитета и стараясь, в ограждение себя, придерживаться самых узких и односторонних взглядов, полагают, что пренебрежением к правам и желаниям иностранных народов они докажут своим повелителям ревность в охране интересов Китая. Тем же принципом руководствуются [...] и начальники пограничных с нами областей Китая. Не имея, таким образом, ни надлежащих сведений, ни опыта, ни авторитета и ответственности и равнодушно относясь к важнейшим вопросам, Министры, в случае серьезных затруднений, спешат передать дело в руки Ли Хунчжана, который и принужден решать их по своему усмотрению и на свою ответственность. [...] И ныне еще *Цзунли-ямэнь*, угождая увлечениям замкнутого Двора, готов был по неведению своему вовлечь Китай в занятие Кореи и подготовить грозу, последствия коей трудно было бы предвидеть [...] Ли Хунчжан один выступил на защиту того, что он признавал благом своей родины, и, смею думать, Императорское правительство, предоставив ему в настоящем случае возможность подробно и всесторонне разъяснить недоразумения и доказать Пекину неосновательность и бесплодность его подозрений, предотвратило опасность, которая в течение уже некоторого времени готовилась для влияния нашего в Корею» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 23–30].

Обеспокоенность Ли Хунчжана общим, все усложнявшимся, положением дел и стремление к скорейшему урегулированию возникшей, «дополнительной», проблемы с портом Гамильтон, чтобы снять напряженность хотя бы на одном направлении, находили отражение в официальной корреспонденции как самого Ли Хунчжана, так и других так или иначе подчиненных ему чиновников. Так, например, в донесении (06.09.1886) китайского уполномоченного на переговорах по российско-китайской грани-

це У Дачэна⁴⁵ говорится, в частности, следующее: «[...] ...обсуждал с российским представителем вопрос об островах Комундо. Русские действительно настаивают на том, что у них нет намерения занять [эти острова]. Если английские военные корабли уйдут, то, я уверен, русские не будут действовать по их примеру. Когда все дела здесь будут завершены, я вернусь в Тяньцзинь и смогу переговорить с англичанами для улаживания этого дела об островах. Англичане должны отказаться от своих стремлений, при этом обязательно заключение (письменного) соглашения, достаточно устной договоренности» [Ли Хунчжан, 1985, с. 711].

Ввиду сложившейся ситуации российское Министерство иностранных дел приняло решение уполномочить Ладыженского на ведение переговоров с Ли Хунчжаном, чтобы убедить последнего «в необходимости для Китая воздержаться от вмешательства в корейские дела» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 33].

Показательными в плане анализа понимания и восприятия в Китае и в России сложившейся ситуации можно считать протоколы переговоров Ли Хунчжана и Ладыженского. Вот, например, фрагмент их беседы от 25.09.1886 г.: «[...] Ли: “Что касается дела об островах Комундо, в прошлый раз я вручил Вам ноту английского правительства. Теперь, г-н Ладыженский, после того, как Вы выполнили перевод и ознакомились с документом, каково Ваше мнение?” Ладыженский: “На представленное мною донесение было получено телеграфное распоряжение постараться гарантировать Чжунтану⁴⁶, что российское государство не имеет намерения занимать Комундо или другое место на территории Кореи”. Ли: “Можно ли на основании этого суждения, уважаемый представитель, подписать дипломатическую ноту?” Ладыженский: “Что касается гарантий, то я могу их представить только лично и нет необходимости еще раз излагать все это письменно. Поскольку моя страна никогда не занимала территорию Китая, зачем же тогда нужен официальный документ?” Ли: “Китай ни в малейшей степени не сомневается в намерениях России, но вот англичане говорят, что как только они уйдут, Россия сразу займет [эту территорию]. Какой же может быть вред, если Вы, г-н Ладыженский, составите письменную ноту, гарантирую-

---

⁴⁵ У Дачэн (吳大澂, 1835–1902) – государственный деятель империи Цин, в 1885–1886 гг. ведущий переговоры с Россией по демаркации русско-китайской границы.

⁴⁶ Ли Чжунтан 李中堂 – одно из официальных имен Ли Хунчжана.

шую, что Россия не будет занимать никаких корейских портов, чтобы я мог успокоить англичан?” Ладыженский: “Россия и Англия являются независимыми государствами, имеют равное положение, как же я могу без оснований давать подобные письменные обязательства? Почему Англия приказывает нам дать такие гарантии, а не приказывает прежде дать подобные обязательства Францию или Германию?” Ли: “Англия изначально обратилась к Китаю за подобными гарантиями, а Китай не может прежде не спросить Россию. В ноте английского правительства говорится, что Англия боится, что если она уйдет (с этой территории. – С. А.), то ее сразу займет другое государство. И понятно, что под термином ‘другое государство’ имеется в виду Россия, а не какая-то третья страна”. Ладыженский: “Россия может дать гарантии только Китаю, никаких гарантий Англии мы давать не будем”. Ли: “Если Россия дает такие гарантии Китаю, то Китай сможет дать объяснения Англии и приказать ей уйти с островов”. Ладыженский: “Россия просто дает гарантии Китаю, а что касается образа действий Китая, то Россия не имеет права спрашивать. [...] Англия имеет большую выгоду от торговли с Китаем, поэтому она никак не может хотеть, чтобы дело с островами Комундо привело к ухудшению отношений с Китаем. Если Китай действительно прикажет англичанам уйти (с островов – С. А.), то они не смогут не подчиниться. Что же касается попыток оправдать себя за счет России, то их слова не соответствуют действительности”. Ли: “Позавчера я отправил военные корабли для инспектирования ситуации с Комундо. Они увидели, что в данном пункте стоит на якоре только один английский военный корабль, артиллерия не установлена, укрепления не созданы, по-видимому, есть нужда в материалах. Они вновь заявили о том, что если будет возможно превратить Комундо и порт Лазарева в порты, открытые для всех держав, то они тут же уйдут. Что Вы по этому поводу думаете?” Ладыженский: “Если Корея может дополнительно учредить открытый порт, то России от этого не будет ни вреда, ни пользы”. Ли: “Англия обязательно при обсуждении увяжет порт Лазарева и Комундо, выражая опасения, что Россия имеет намерение занять порт Лазарева, хотя это место отстоит от Гензана на 20 с лишним *ли* и, по-видимому, нет необходимости открывать еще один порт. Комундо представляет собой отдельные острова в море, здесь ничего не производится и никакая торговля невозможна. Я придерживаюсь мнения, что в этом нет ничего хорошего, поэтому пока еще не говорил об этом королю Кореи.

Вчера провел конфиденциальную беседу с Брандтом⁴⁷, говорили, что даже в случае создания открытого порта, если нет людей, которые занимались бы здесь торговлей, то по-прежнему возможен его насильственный захват. Таким образом, создание открытых портов тоже не станет мерой, позволяющей избежать бедствий”. Ладыженский: “Россия действительно не имеет намерения занимать порт Лазарева, и если Китай прикажет покинуть Комундо, то Англия вынуждена будет это сделать. Заслуги Чжунтана велики, и если он сейчас прикажет Англии покинуть Комундо, то его авторитет еще более возрастет и все державы станут еще более его уважать”» [Цзиньдай Чжунго вайцзяо, 2008].

Примечательны и следующие замечания, показывающие, что обе стороны, настаивая на своей позиции, вполне объективно оценивали общую, в том числе внешнеполитическую, ситуацию (29.09.1886): «Ли: “Хорошие отношения между Китаем и Россией существуют уже долгое время, и мы действительно не имеем сомнений в отношении России. В последнее время появились третьи лица, которые провоцируют Китай, надеясь нарушить мир между (нашими странами). Если мы сейчас заключим соглашение, то даже если эти третьи лица будут распускать ложные слухи, им уже никто не будет верить. Это пойдет на пользу дружественным отношениям наших стран”. Ладыженский: “Японский министр Ито сообщил нашему посланнику в Токио, что Китай в последнее время имеет намерение превратить Корею в свою провинцию. Может ли Россия сначала направить своих представителей для контроля?” Ли: “Ито сообщил, что, по словам нашего официального представителя в Токио, Россия имеет намерение занять корейскую территорию и Китаю следует действовать первым. Все это не что иное, как провокация с целью рассорить наши два государства, рассчитывая приобрести выгоду за счет Китая. Для Японии использование подобных приемов является обычным делом”. Ладыженский: “Если оба наших государства дадут взаимные гарантии не занимать указанную территорию, то Япония уже не сможет прибегнуть к подобным уловкам и не осмелится рассчитывать отделить и захватить территорию (Корею)”. Ли: “Корея является вассалом Китая, и Китай издавна имеет право предоставлять Корею защите. В то же время Россия является страной, с которой осуществляется равноценная торговля,

---

⁴⁷ Брандт, Максимилиан Август Сципио фон (Maximilian August Scipio von Brandt, 1835–1920) – немецкий дипломат, посланник Германии в Пекине.

поэтому она не имеет права оказывать покровительство Корее, и единственное, что Россия может сделать, – это представить четкий документ, содержащий ее обязательство не занимать указанную территорию”. Ладыженский: “Англия более 10 лет присматривалась к островам Комундо. Пользуясь противоречиями между Россией и Англией в связи с Афганистаном, англичане захватили эти острова, не иначе как под тем предлогом, что в противном случае их захватит Россия”. Ли: “Англичане первыми начали разведывать эти острова, прежде всего Гамильтон, в честь которого они и назвали эту группу островов, соответственно, они давно имели такое намерение. Прежде чем занять эти острова, англичане уведомили Китай, указав, что если эту территорию займет не Англия, то это сделает Россия. Англичане говорили, что заняли острова Комундо не только ради выгоды для Великобритании, а для пользы Китая. В то время Китай сразу дал опровержение, не поддаваясь внешнему влиянию, в противном случае сейчас он бы не мог приказывать Англии покинуть острова. Сегодня утром в беседе со мной Бренан сказал, что английский посланник Уолшем⁴⁸ надеется, что Комундо и порт Лазарева будут превращены в открытые порты. Я сказал, что русские говорят, что действительно не будут занимать порт Лазарева. Занятие англичанами островов Комундо – это уже свершившийся факт. Разве можно уравнивать эти два вопроса? Вопрос о порте Лазарева уже отложен. После того, как Китай и Россия обменяются взаимными нотами, мы обязательно заставим англичан уйти с Комундо, используя еще более вескую аргументацию”. Ладыженский: “Англичане и сами знают, что их доводы несостоятельны, и они не могут не уйти (с островов), не опасаясь стать посмешищем. Поэтому они и обращаются с просьбой об открытии портов, чтобы таким образом сохранить свое достоинство и репутацию”» [Цзиньдай Чжунго вайцзяо, 2008].

А вот как характеризовал эти события сам Ладыженский (28.09.1886): «После трудных переговоров я и Ли согласились обменяться тождественного содержания письмами, упомянув, что они написаны от имени наших правительств, на французском и китайском языках. Россия и Китай соглашаются, ввиду обеспечения мира в королевстве и устранения недоразумения, не изменять существующего положения в Корее и не занимать ее территории. Прошу позволения подписать. Соблюдая прежнюю осторожность, полагаю, лучше о Гамильтоне не упоминать. Китай сам

---

⁴⁸ Уолшем, Джон Джеймс (John James Walsham, 1830–1905) – английский дипломат, посланник Великобритании в Китае и Корее (1885–1892).

спешит изгнать англичан, не опасаясь более наших намерений. [...]» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 35].

В ходе переговоров своего рода «камнем преткновения» стало расхождение в подходах к проблеме, определившееся спецификой китайской и европейской (русской) дипломатии. Китай, пытаясь поддержать свой статус сюзерена, стремился включить в текст соглашения указание на вассальное положение Кореи. В то же время для русской стороны, настаивавшей на равенстве положений участников соглашения, такая формулировка, предполагавшая наличие у Китая определенных преимущественных прав в отношении Кореи, была неприемлема. Ввиду этого русский представитель отстаивал необходимость включения в договор указания на равнозначные обязательства обеих сторон – России и Китая – по сохранению неизменности *status quo* Кореи.

Как видим, в том числе из приведенных выше документов, Ли Хунчжан в беседах с Ладыженским неоднократно подчеркивал, что Корея является вассалом империи Цин. Этот вопрос вызывал значительные опасения и в Пекине. Вот, в частности, сообщение *Цзунли-ямэня* (12.10.1886): «[...] Российский представитель предложил изменить текст ноты, и в нем правительства двух стран однозначно договариваются не изменять существующего *status quo* Кореи. Таким образом, здесь содержится намек на возможную “защиту и покровительство”, и в будущем это может создать множество проблем при урегулировании вопросов в отношении зависимого государства. Поэтому это положение обязательно следует исключить» [Ли Хунчжан, 1985, с. 730].

Примечательна общая характеристика ситуации, представленная в донесении Ладыженского и МИД от 28 октября 1886 г.: «[...] Предметом первых наших совещаний (с Ли Хунчжаном. – С. А.) послужит захваченный англичанами остров, причем канцлер просил меня высказать, какими, по мнению моему, средствами возможно достигнуть очищения его пришельцами.

Полагая необходимым руководствоваться той осторожной сдержанностью, которая, насколько я мог судить, положена была Императорским министерством в основу образа действий нашего в означенном вопросе, я повторил канцлеру то, что до того времени было уже высказано мной по поводу этого дела министрам *Цзунли-ямэня*, а чрез доверенных лиц и ему, Ли Хунчжану [...].

Я объяснил канцлеру, что захват порта Гамильтона, хотя и был, по объяснению самих англичан, предпринят против нас и во время возникших между нами и Великобританией недоразумений, но, на самом деле, не представляет серьезной угрозы нашему

Тихоокеанскому побережью, что доказывается и тем нескрываемым равнодушием, с которым мы впервые отнеслись и продолжаем относиться к помянутому вопросу. Я подробно высказал, что если занятие порта Гамильтона и есть угроза, то она всецело направлена против Китая, т. е. с острова этого легко закрыть Печелийский залив и предпринять военные действия против северных портов и побережья Империи. На обращенную ко мне просьбу оказать в сем деле Китаю помощь нашу я отвечал, что Императорское правительство, разрешив своему представителю в Пекине прибыть в Тяньцзинь для разъяснения дела и обмена мыслей, тем самым оказало Китаю немаловажную поддержку и доказало ему свое доброжелательство.

Из последующих бесед моих с канцлером выяснилось, как, собственно, совершено было занятие порта Гамильтона.

Маркиз Цзэн, находившийся под неоспоримым влиянием английских государственных людей, согласился с представленными ему в Лондоне настояниями и доводами о необходимости предупредить Россию в занятии названной позиции и, представив своему правительству дело в превратном виде, обещал согласие Китая англичанам, которые и поспешили поднять свой флаг на острове. Предъявленный в то время корейцами робкий протест против подобного поступка лишь для формы был поддержан китайцами, не желавшими, по-видимому, преждевременно, не будучи уверены в успехе англичан, рисковать навлечь на себя наше неудовольствие или немедленно выступить сторонниками Англии в готовившейся с нами борьбе.

[...] по указаниям канцлера, корейское правительство энергически восстало против продолжения занятия острова.

[...] правительство Королевы (Великобритании – С. А.), не отказываясь совершенно от удаления английского гарнизона с острова, ставит условием подобного занятия либо поручительство Китая за неприкосновенность порта Гамильтона, либо коллективную всех Держав гарантию корейской территории. На вопрос Ли Хунчжана, какого я мнения о вышеизложенном предложении англичан, я отвечал, что подобное коллективное обеспечение неприкосновенности Кореи всеми заключившими с ней договоры государствами, если бы оно и состоялось, едва ли имело бы предвиденные англичанами последствия. Во всяком случае, Державы, не имеющие серьезных интересов в Корее, не выступят, даже и при существовании подобного соглашения, на активную защиту королевства, и означенный договор будет иметь результатом своим лишь то, что Англия, не имеющая ныне

права на вмешательство в корейские дела ни по географическому своему положению, ни по значимости торговых ее в полуострове интересов, получит это право в ущерб непосредственной заинтересованности в судьбе Кореи соседних с королевством Держав.

На предложение же канцлера письменно заявить ему, что мы не имеем видов на порт Гамильтон, для предъявления такой бумаги англичанам, дабы они не имели основания оставаться на острове, я энергически отвечал отказом, объяснив, что подобное заявление не соответствовало бы ни миролюбивой, но достойной политике Императорского правительства, ни тому первостепенному положению, которое мы в среде других государств занимаем. Вместе с тем, я высказал канцлеру, что настоящее ходатайство его, несомненно, внушено ему кем-либо, кто был убежден, что мы на подписание подобного заявления никогда не согласимся, чем надеялся возбудить между нами новые недоразумения и сомнения.

[...] чрез несколько дней при свидании со мной Ли Хунчжан сообщил, что у него, по поручению своего посланника, был английский местный консул, которому канцлер объяснил положение вопроса и категорически потребовал назначения срока, в который англичане очистили бы временно занятый ими остров. В ответ на это консул предложил от имени своего правительства Ли Хунчжану, чтобы Корея объявила порт Гамильтон и порт Лазарев открытыми европейской торговле портами, объяснив, что привлечение европейских интересов в эти местности послужит гарантией их неприкосновенности, после чего англичане немедленно удалятся. Канцлер, убедившись, по-видимому, из этой новой постановки вопроса, в том, что англичане, видя согласие, установившееся с нами, недалеко от действительного очищения Гамильтона, в крайне резких, как он сам передавал мне, выражениях высказал английскому консулу, что соединение имен этих двух местностей нимало не соответствует интимному положению вопроса, так как в одном случае совершен захват чужого владения, а в другом не существует указаний на наличие какого-либо с нашей стороны намерения относительно завладения портом Лазарева, кроме, разве, неустанной клеветы, цели коей ныне разгаданы.

На обращенный ко мне вопрос, какого я о подобной постановке дела мнения, я вполне одобрил все высказанное канцлером английскому агенту и, со своей стороны, объяснил, что излагаемый разговор доказывает, что англичане, опасаясь неудовольствия Китая, готовы покинуть Гамильтон, но желали бы сделать это с личиной достоинства. Посоветовав канцлеру действовать энергичнее, я, вместе с тем, высказал ему мое мнение о совер-

шенной бесполезности открытия портов Гамильтон и Лазарева европейской торговле.

Впоследствии Ли Хунчжан передал мне, что английский посланник, которому тяньцзиньский консул сообщил подробности посещения канцлера, обещал содействовать очищению острова и телеграфировал уже в этом смысле в Лондон.

По прибытии моем в Пекин сэр Джон Уолшем, при свидании со мной, высказал в частном разговоре твердое свое намерение содействовать оставлению англичанами порта Гамильтон.

Донося [...] о вышеизложенном, позволяю себе предположить, что отныне можно ожидать очищения острова в ближайшем будущем, т. е. захват его, сделанный в надежде вовлечь Китай в содействие Англии на случай разрыва с нами и продолженный в ожидании возбудить недоверие Китая к нам, не только не оправдал возложенных на деяние это надежд, но и привел к противоположным результатам, побудив Ли Хунчжана просить свидания со мной и, следовательно, предоставив нам возможность сблизиться и, в то же время, устранить опасность серьезных и немедленных недоразумений» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 46–49об].

С учетом описанных выше принципиальных для каждой из сторон, но, по-видимому, трудно разрешимых противоречий, а также, вероятно, ввиду наличия в отношениях России и Китая более важных и актуальных вопросов, МИД России в инструкции российскому представителю указывал на необходимость постараться «склонить Ли на подписание тождественной ноты, текст коей вполне одобрен. Если не удастся, удовольствуйтесь словесным соглашением, которое, однако, не считаем вполне надежным» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 42].

Приверженность каждой из сторон своей принципиальной позиции отражена, например, и в следующем донесении Ли Хунчжана в *Цзунли-ямэнь* (26.10.1886): «[...] Передал российскому представителю приказ (*Цзунли-ямэня*. – С. А.) о необходимости исключить фразу об “обеспечении неизменности status quo Кореи”. [...] в ответной телеграмме указано, что такая формулировка не создает препятствия для традиционного образа действий Китая и Россия в будущем не сможет вмешиваться и предлагать свое покровительство (Корее. – С. А.); при этом, поскольку эта фраза составляет единое целое с двумя последующими положениями, ее нельзя исключить. Вчера Ладыженский приходил ко мне с прощальным визитом. Он сказал, что пусть даже в текст ноты не внесены изменения, однако, как он уже объяснял, она является выражением стремлений российского государства, поэтому

указанная формулировка должна оставаться неизменной. [...] мною было предложено еще раз все обдумать и взвесить возможность включения в текст дополнительных фраз, чтобы сделать исходный документ более ясным и четким. Однако [Ладыженский не соглашается] ни пересмотреть, ни еще раз обсудить исходный документ. В настоящее время прошу *Цзунли-ямэнь* передать нотой английскому посланнику сделанное мне российским представителем лично заявление о том, что “(Россия. – С. А.) не будет занимать территорию Кореи”, и потребовать от англичан очищения островов Комундо, чтобы тем самым положить конец данному делу» [Ли Хунчжан, 1985, с. 733].

Таким образом, переговоры Ли Хунчжана и Ладыженского не привели к подписанию официальной ноты; их следствием стала своего рода устная договоренность, очевидно, понимаемая каждой из сторон по-своему. В исследованиях ряда отечественных специалистов эта договоренность обозначена как «джентльменское соглашение»⁴⁹.

В свою очередь, следствием этой договоренности между Россией и Китаем стало и еще одно, по сути, устное соглашение – между Китаем и Великобританией – об очищении последней порта Гамильтон. Ведь никакого фактического акта, которым бы подтверждалось обязательство англичан перед Китаем (или Кореей) уйти с Гамильтона, подписано не было. Имел место ряд официальных уведомлений, направленных китайским правительством, о том, что Россия заявила Китаю об отсутствии у нее намерения занимать территорию Кореи, вследствие чего Англия может покинуть Гамильтон. Вот, в частности, донесение английского посланника в Пекине Уолшема министру иностранных дел Великобритании графу Иддесли⁵⁰ (05.11.1886): «[...] В официальной ноте, полученной мной от министров *Цзунли-ямэня*, в вежливой форме указывается на затруднительную ситуацию, созданную вследствие нашей временной оккупации порта Гамильтон, а также содержится уведомление об ответе, который был официально дан российским правительством в связи с возникшими недавно слухами о планах России по созданию своего протектората в Корее, и его определенном обещании не занимать корейскую территорию ни при каких обстоятельствах после очищения порта Гамильтон.

---

⁴⁹ См., например: Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 1979. С. 99.

⁵⁰ Стаффорд Норткот (Stafford Northcote, 1818–1887), первый граф Иддесли (1st Earl of Iddesleigh) – английский государственный деятель, в 1886–1887 гг. министр иностранных дел Великобритании.

В этой ноте далее говорится, что китайское правительство получило соответствующие гарантии в ходе переговоров и что вследствие этого оно теперь может, со стороны Китая, дать надлежащие гарантии правительству Ее Величества, которое, в свою очередь, как надеется правительство Китая, в ближайшее время сможет обеспечить прекращение временной оккупации порта Гамильтон» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 96об].

В этой связи можно привести также проект телеграммы командирующему английским флотом: «Правительство Ее Величества приняло решение об уходе из порта Гамильтон. Свяжитесь с посланником Великобритании в Пекине для согласования вопросов касательно вывода гарнизона, ликвидации складов и т. д.» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 98об].

Так или иначе, как сообщил 28 февраля 1887 г. вице-адмирал Гамильтон секретарю Адмиралтейства, «27-го в порте Гамильтон спущен флаг» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 101].

Подчеркнем, что, очевидно, правовой статус договоренностей подобного типа не может быть оценен однозначно. Сама форма «джентльменского соглашения» (*gentlemen's agreement*) как разновидности устного договора, появившаяся в международной практике во второй половине XIX в., обычно понимается как особый вид неформальной международной договоренности. По мнению ряда исследователей, являющихся сторонниками неправовой природы такого рода политических актов, джентльменское соглашение по сути представляет собой «упрощенную форму международного соглашения в устной форме, обладающего морально-этической, а не юридической обязательной силой» [Ромашев, Остроухов, 2018, с. 261].

С учетом этого отсутствие письменного договора, которым бы четко фиксировались обязательства сторон, безусловно, может при необходимости служить основанием для утверждения об отсутствии договоренности и соответствующих обязательств. Примечательно, что вопрос о самом наличии подобной договоренности между Китаем и Россией возник спустя некоторое время в российских правительственных и дипломатических кругах.

Отметим, что после завершения переговоров между Ли Хунчжаном и Ладыженским сам факт их договоренности, как и определенный положительный ее эффект, по-видимому, не вызывали особых сомнений. Вот что, в частности, отмечал по этому поводу вновь назначенный российский посланник в Пекине А. М. Ку-

мани⁵¹ в своем письме посланнику России в Токио Д. Е. Шевичу⁵² (декабрь 1886 г.): «После важных переговоров Ладыженского с Ли Хунчжаном условлено было словесно, что ни Россия, ни Китай не предпримут ни изменения внутреннего положения дел в Корее, ни занятия войсками ее территории. Это успешно рассеяло опасения, возбужденные против нас в китайцах. Успокоение их, по-видимому, здесь продолжается. Тем не менее, думаю, что нам нужно продолжать зорко следить за действиями и даже признаками на месте. Мне было приказано всячески предупреждать затруднения с Китаем» [АВПРИ, ф. Миссия в Токио, оп. 529, д. 142, л. 34].

Таким образом, очевидно, в российских дипломатических кругах с самого начала понимали, что устная договоренность Ли Хунчжана с Ладыженским носила ситуационный характер, поэтому уже с 1887 г., когда из заявлений китайского правительства о том, что оно «не давало Корее какой-либо особой гарантии неприкосновенности Гамильтона, так как охранение целостности вассальной территории и без того составляет обязанность и право Китая»⁵³ [АВПРИ, ф. Миссия в Токио, оп. 529, д. 142, л. 50], стало ясно, что Китай не признает за собой никаких обязательств в этой связи, российские посланники в Пекине стали предпринимать усилия по закреплению соответствующей договоренности в письменной форме. Необходимость документального оформления подобного соглашения становилась все более очевидной по мере осложнения как внутривосточной ситуации в Корее, так и общей ситуации в регионе в конце 1880-х гг. В частности, об этом упомянуто в отчете полковника Генерального штаба Вебеля⁵⁴, командированного в Корею в 1889 г.: «О заключении соглашения между нами и Китаем относительно того, чтобы не вводить своих войск в пределы Кореи, велись, как известно, переговоры между Временно Управляющим нашей Миссией в Пекине г. Ладыженским и Вице-королем Ли Хунчжаном. В 1886 г. перегово-

---

⁵¹ Кумани, Алексей Михайлович (1833–1897) – российский дипломат, посланник России в Китае в 1886–1890 гг.

⁵² Шевич, Дмитрий Егорович (1839–1906) – российский дипломат, посланник России в Японии (1886–1892).

⁵³ Отметим между прочим, что подобные заявления китайского правительства стали, очевидно, появляться после ухода англичан из Гамильтона.

⁵⁴ Вебель, Фердинанд Маврикиевич (1855–1919) – генерал от инфантерии Русской императорской армии, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), Русско-японской войны (1904–1905), с 1885 по 1892 г. служил при штабе Приамурского военного округа.

воры эти выразились в форме так называемого Тяньцзинского соглашения. В действительности соглашение это не было подписано. С приездом в Пекин Д. С. С. Кумани [*Цзунли-]ямэнь* уклонился подписать то, что, собственно, было условлено Ли Хунчжаном. С тех пор наш посланник не упускал случая поднять вновь этот вопрос и был намерен в сентябре минувшего года опять возобновить переговоры уже непосредственно с Ли Хунчжаном при свидании в Тяньцзине» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 68].

В этом контексте достаточно неожиданно выглядит возмущение, высказанное в 1891 г. следующим посланником России в Пекине А. П. Кассини⁵⁵ относительно того, что российская дипломатия основывала свои действия в отношении Кореи на договоренности, обязательства по которой Китаем не признаются.

Вновь «открытые» посланником Кассини обстоятельства рассматриваемого дела заставили его, полагавшего себя «не вправе скрыть... факт столь большой важности», направить донесение соответствующего содержания в МИД Н. К. Гирсу⁵⁶, а также ряду других компетентных лиц. В частности, в своем письме графу Д. А. Капнисту⁵⁷ Кассини по поводу так называемого «словесного соглашения, заключенного в Тяньцзине в октябре 1886 г. между нашим Поверенным в делах г-ном Ладыженским и Вице-королем Ли Хунчжаном», отмечал: «[...] соглашение это, хотя оно было лишь словесное, должно было обеспечивать нас от всякой случайности со стороны Китая в Корее и, в то же время, давало Китаю с нашей стороны подобную же гарантию. Вот уже 5 лет, как мы основываем свою корейскую политику на этом соглашении, и я верил в него, как и все остальные. Между тем, при проезде через Тяньцзинь я убедился, что Ли Хунчжан, приняв от нас заявление о том, что мы не будем посягать на неприкосновенность Кореи, сам, в то же время, вовсе не давал соответствующего обещания от имени китайского правительства.

[...] Означенный случай так необыкновенен, что я решительно затрудняюсь найти для него объяснение. Произошло ли это от недоразумения? Или это плод слишком живого воображения моло-

---

⁵⁵ Кассини, Артур Павлович (1835–1919) – русский дипломат, посланник Российской империи в Китае в 1891–1896 гг.

⁵⁶ Гирс, Николай Карлович (1820–1895) – российский дипломат, министр иностранных дел в 1882–1895 гг.

⁵⁷ Капнист, Дмитрий Алексеевич (1837–1904) – русский дипломат, сенатор, директор азиатского департамента Министерства иностранных дел (1891–1896).

дого Поверенного в делах, жаждавшего в короткий период своего управления заставить говорить о себе? Самое удивительное в этом спутанном деле то, что г-н Кумани, проведенный около четырех лет в Пекине, отнесся ко всему, что ему говорил по сему вопросу г-н Ладыженский, как к словам Евангелия, и, таким образом, сам бессознательно укрепил веру Императорского правительства в существование этого мифического соглашения.

Если даже допустить, что Ли Хунчжаном во время его бесед с г-ном Ладыженским даны были какие-либо неопределенные успокоительные заверения относительно будущей политики Китая в Корею, то заверения эти положительно не имели значения, т. к. Вице-король весьма недвусмысленно прибавил, что его правительство категорически отказалось ратифицировать выработанный им, Ли Хунчжаном, и г-ном Ладыженским проект соглашения. Как ни велико влияние и политическое значение, которым пользуется в Китае Печилийский Вице-король, он, все же, не настолько силен, чтобы подчинить пекинское правительство своей воле, и я, впрочем, убежден, что он никогда и не имел к тому ни малейшего поползновения.

Не для чего обманывать себя: наш Поверенный в делах в этом несчастном деле попал впросак. Ли Хунчжан воспользовался обменом мыслей с нашим молодым представителем, чтобы узнать то, что ему было нужно, и чтобы основательно выведать, на что можно надеяться и чего опасаться от нас в корейском вопросе. Он достиг своей цели.

Со своей же стороны он ограничился несколькими неопределенными фразами, никоим образом не налагающими какой-либо ответственности ни на его правительство, ни на него лично, но которым г-н Ладыженский приписал значение и важность, которых они никогда не имели и не могли иметь.

Я должен сознаться, что настоящее открытие произвело на меня глубокое впечатление [...]. В настоящую минуту опасности нет. Китайское правительство слишком занято своими внутренними порядками, чтобы создавать еще и внешние затруднения, возбуждая недоразумения своей корейской политикой. Но каково было бы впечатление и в каком странном свете мне пришлось бы выставить нашу дипломатию, если бы Императорское правительство, при известных обстоятельствах, предложило мне напомнить китайскому правительству обязательства, которых оно и не думало брать на себя» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 69–72].

Причина подобной реакции российского дипломата представляется не совсем ясной, ведь и официальная дипломатическая пе-

реписка, и действия компетентных ведомств не дают однозначных свидетельств того, что российское правительство всерьез считало, что Китай взял на себя перед Россией какие-либо обязательства в отношении Кореи. Напротив, именно неготовность китайской стороны принимать на себя подобные обязательства вместе с очевидной невозможностью достижения какого-либо компромисса вынудили Ладыженского завершить переговоры без представления Китаю каких-либо письменных обязательств. При этом и сам Ладыженский в своих отчетах, и, подчеркнем, Ли Хунчжан в официальной переписке указывали, что устное обещание о том, что Россия не будет занимать территории Кореи, было дано российским представителем лично от себя.

Еще более удивительным возмущение Кассини выглядит ввиду того обстоятельства, что это его «открытие» было основано на сообщении (ноябрь 1891 г.) А. С. Ваховича⁵⁸, входившего в то время в состав российской миссии и присутствовавшего при некоторых переговорах Ладыженского и Ли Хунчжана.

Вахович отмечал исключительную трудность положения, в которое был поставлен во время этих переговоров Ладыженский, вынужденный искать подходящее решение под давлением Китая, который настаивал на собственном понимании ситуации и отказываться от своей позиции не имел намерения, и при этом пытаться следовать достаточно двусмысленной политике российского правительства, которое, как пишет Вахович, с одной стороны, не хотело открыто признать Корею вассалом Китая, а с другой – не смело заявить о ее самостоятельности [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 135об]. При этом Вахович четко указывает следующее: «Вернувшись в Пекин, ни г. Ладыженский, ни я не придавали никакого значения неудавшимся переговорам, избегая даже вспоминать о них; только потом, уже, вероятно, неожиданно и для самого г. Ладыженского, им придан был смысл и сила, которых на самом деле в них нет» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 139].

Далее Вахович представляет собственную, очевидно, вполне объективную, оценку указанных событий: «Установив даже, что между г. Ладыженским и Ли Хунчжаном было заключено это пресловутое соглашение, раз что китайский Двор и Цзунли-ямынь не одобрили и отвергли подписание его, этим самым они лишили его всякой силы и

---

⁵⁸ Вахович, Александр Степанович (1858–1904) – российский дипломат, на службе в МИД в 1882–1904 гг., 1892 г. российский консул в Ханькоу.

обязательства и для самого Ли Хунчжана как лица, во всяком случае подчиненного, как бы ни высоко было его положение.

Положим, далее, что мнения, взгляды и обещания, выраженные г. Ладыженскому Ли Хунчжаном, были и искренние, и самые благонамеренные и что этот последний не отказался бы, в случае чего, от них, даже при высказанном в свое время Двором их неодобрении, что, впрочем, маловероятно, во всяком случае, взгляды и обещания эти относились бы только лично до Ли Хунчжана, а отнюдь не были бы обязательны для Китая, который и самые торжественные договоры, скрепленные печатью его Богдоханов, бесцеремонно игнорирует и нарушает, когда ему это выгодно.

Всякая ссылка, поэтому, в сношениях двух государств на частное соглашение, состоявшееся между их агентами, но не получившее санкции, хотя бы только одного правительства, нелогична и невозможна (курсив мой. – С. А.)» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 139об–140].

Таким образом, очевидно, что Ладыженский во время бесед с Ли Хунчжаном действовал вполне правильно и однозначно в рамках полученных от МИД инструкций. Несомненно, российский МИД вполне объективно оценивал и саму ситуацию с переговорами, и их результат. Не случайно уже Кумани начал «зондировать почву» в смысле возможности заключения с Китаем официального письменного договора по Корее. Это подтверждается и тем фактом, что, как отмечает на основании соответствующих архивных материалов Б. Пак, «Министерство иностранных дел России вплоть до начала японо-китайской войны не снимало с повестки дня вопрос об оформлении с Китаем письменного соглашения по корейскому вопросу» [Пак, 1999, с. 123].

Рассматривая ситуацию в целом, можно сделать ряд определенных выводов.

Дело вокруг порта Гамильтон, на первый взгляд вполне незначительное, оказалось весьма любопытным как в плане международных отношений и дипломатии, так и в определенной степени с правовой точки зрения. В ходе урегулирования этого вопроса, по сути, отчетливо проявились актуальные в то время особенности внешней политики и дипломатические подходы, прежде всего трех государств – Китая, России и Великобритании. Каждая их сторон, оказавшихся вовлеченными в возникшую ситуацию, отстаивала собственные позиции и интересы.

Примечательно, что сама ситуация была фактически искусственно создана Англией. Вполне вероятно, англичане изначально не придавали столь большого значения самому рассматриваемому

тому объекту, т. е. порту Гамильтон, планируя, видимо, использовать его лишь как стоянку судов и угольную базу. Превращение его в какой-либо реальный «форт» в целях противодействия потенциальным противникам, например России, было бы, по-видимому, весьма затратно, сопряжено с трудностями и не имело бы особого смысла ввиду отсутствия какой-либо действительной уникальности его географического положения, особенно с учетом приобретения Англией такой базы, как Гонконг. В то же время Великобритания постаралась извлечь из этой ситуации максимум возможных «дивидендов» для себя. Используя в качестве вполне умозрительного предлога заявление о том, что если эта территория не будет занята Англией, то это сделает другая держава, прежде всего Россия, англичане сумели вовлечь в это дело и Китай, и Россию, которые, по сути, вообще не имели ни каких-либо планов, ни интересов в этом направлении. Таким образом, Англия использовала дело о порте Гамильтон для давления, прежде всего, на Китай и опосредованно на Россию.

Китай, занятый урегулированием собственных весьма сложных и многочисленных внутренних и внешнеполитических проблем, очевидно, отнесся к этому внезапно возникшему затруднению как к явной помехе решению действительно серьезных и актуальных вопросов. В то же время, привлекая к этому делу Россию, Китай, хотя и не имевший в действительности средств для оказания на нее прямого давления, несомненно, пытался добиться определенных преимуществ в связи с насущными проблемами русско-китайских отношений, включая торгово-экономические аспекты, пограничные дела, в том числе касающиеся Кореи и т. д. При этом Китай, верный известным принципам, стремился отстаивать свои, освященные традицией, сюзеренные права в отношении ряда «данников», прежде всего Кореи.

Россия, как представляется, оказалась вовлечена в данное дело, по сути, случайно, не имея в отношении порта Гамильтон никакой заинтересованности. При этом очевидно, что российское правительство, не обладая в данном регионе в рассматриваемое время надлежащей и достаточной силой, необходимой для действительно эффективного и активного продвижения и отстаивания своих интересов, направляло свои действия, прежде всего, на предотвращение возможных осложнений и обеспечение стабильности своего положения на Дальнем Востоке.

Все подобные особенности положения каждой из указанных сторон и общая сложность ситуации привели к складыванию довольно специфической в дипломатическом и правовом плане кар-

тины. Не углубляясь в сложность самой формы переговорного процесса, когда Китай, по сути, выступал в роли посредника между Англией и Россией, вообще не заинтересованной в данном деле, и при этом переговоры велись в отношении территории другого государства – Кореи, мнение которой фактически вообще не учитывалось, отметим ряд любопытных аспектов.

Сам ход дела позволяет сделать вывод о том, что несмотря на заявления, каждая из сторон, по-видимому, не придавала данному вопросу принципиального значения. В известном смысле Ладыженский, говоря о том, что Англия готова уйти с Гамильтона и лишь ищет возможность сделать это, сохранив «лицо» и достоинство, видимо, был прав. Китай также стремился как можно скорее устранить эту помеху, чтобы иметь возможность заняться по-настоящему важными делами. Для России это дело не представляло особого интереса и, по сути, тоже было лишним затруднением при решении действительно значимых проблем на Дальнем Востоке. Вероятно, этим, помимо прочего, и определялась форма достигнутых сторонами соглашений: и договоренность Китая с Россией, и соглашение между Англией и Китаем были осуществлены в устной форме, в известной степени даже как договоренности между частными лицами. Ли Хунчжан использовал полученную от российского представителя Ладыженского «личную» гарантию того, что Россия не займет территорию Кореи, как основание, чтобы требовать от Англии ухода из Гамильтона. И, по-видимому, этого оказалось достаточно – официальный письменный договор в этой связи между Китаем и Англией не был оформлен. При этом, судя по всему, проводившиеся между заинтересованными сторонами переговоры, прежде всего между представителями России и Китая, не предусматривали последующего закрепления достигнутых результатов в виде официальных документов, во всяком случае, никакого соответствующего заявления переговаривающимися сторонами сделано не было.

Таким образом, видимо, можно говорить о том, что по результатам урегулирования дела о порте Гамильтон каждая из сторон-участниц оказалась вольна оценивать сложившуюся ситуацию и поступать по своему усмотрению, вплоть до отказа от факта принятия на себя каких-либо обязательств, поскольку в юридическом плане они не были закреплены в надлежащем официальном документе. Так или иначе, каждая сторона, по сути, решила свои проблемы, возникшие в рассматриваемой ситуации, не приняв при этом на себя никаких особых обязательств.

Сокращение

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

Источники и литература

1. Киссинджер, 2018 – *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: АСТ, 2018.
2. Ли Хунчжан, 1985 – Ли Хунчжан цюаньцзи 李鴻章全集 (Полное собрание документов и сочинений Ли Хунчжана). Т. 1. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ 人民出版社, 1985.
3. Цзиньдай Чжунго вайцзяо, 2008 – Цзиньдай Чжунго вайцзяо ши цзыляо цзяо 近代中国外交史资料辑要 (Сборник важнейших материалов по истории китайской дипломатии в новое время) / Сост. Цзян Тинфу 蒋廷黻. Чанша: Хунань цзяоюй чубаньшэ 湖南教育出版社, 2008.
4. Ромашев, Остроухов, 2018 – *Ромашев Ю. С., Остроухов Н. В.* Правовая природа устных международных договоров // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018, № 4, с. 254–269.
5. Пак, 1999 – *Пак Б.* Новые материалы об устном соглашении Ладыженского–Ли Хунчжана 1886 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5. С. 116–124.

Svetlana G. Andreeva*

Chinese Policy at the Far East in 1880s: The Case of Port Hamilton

ABSTRACT: This article presents the analysis of some aspects of the Chinese policy in the Far East in 1880s, particularly with regard to Korea, based on the case of Port Hamilton. It contains brief description of diplomatic activities of China, Korea, Russia and Great Britain aimed at solving the territorial and political problem.

KEYWORDS: Archive Materials, Diplomacy, International Relations, China, Korea, Great Britain, Russia, Li Hongzhang, Port Hamilton

---

*Andreeva Svetlana Gennadievna, Ph. D. (History), China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), surfgrid-to@list.ru